

И 21

Порецк.

23858-кР

В. ИВАНОВА

О ПОРЕЦКОМ
И ПОРЕЧАНАХ

Гербом села Порецкое является изображение на серебряном геральдическом щите колокольни Троицкого собора в окружении корабельных осен на фоне холма у реки, по которой плывет стерлядь. В правом верхнем почетном углу геральдического щита

помещен земельный герб Симбирска, в левом — Нижнего Новгорода. В наружном оформлении в верхней части герба помещена деталь герба города Чебоксары. Между нею и геральдическим щитом находится покрытая пурпурной финифтью лента, заканчивающаяся справа и слева русским орнаментальным мотивом. В центре ленты — серебряная дата «1591».

Деталь герба города Чебоксары указывает на современное административное положение села Порецкое: оно входит в состав Чувашской ССР, столицей которого является г. Чебоксары.

Дата «1591» — год первого упоминания Порецкого в русских летописях.

Земельные гербы Симбирска и Нижнего Новгорода указывают на историческое прошлое Порецкого, что оно в разные годы своего существования входило в Симбирскую и Нижегородскую губернии.

Река с плывущей стерлядью и холм, возвышающийся за изображением колокольни, указывают на географическое положение Порецкого. Это река Сура, некогда богатая рыбой.

Колокольня в центре герба — дань выдающемуся памятнику храмовой архитектуры и поныне являющегося основной архитектурной доминантой Порецкого. Корабельные сосны, изображенные по краям колокольни, напоминают, что Порецкое находится в лесах, откуда вывозился лес для становления русского флота.

Верхнее поле герба покрыто пурпурной финифтью, нижнее — зеленой, река — голубой (синей).

Герб утвержден на четвертой сессии Порецкого сельского Совета народных депутатов 6 февраля 1991 года.

Автор герба — заслуженный художник Чувашской ССР, лауреат Государственной премии Чувашской ССР им. К. Иванова Э. М. ЮРЬЕВ.

К И 21

В. ИВАНОВА

О ПОРЕЦКОМ
И
ПОРЕЧАНАХ

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

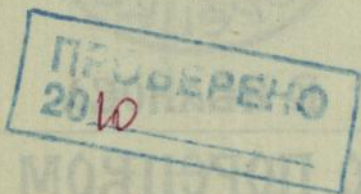

ЧЕБОКСАРЫ
ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
~ 1991 ~

63.3(2P-64y)

ББК 63.3(2)
О 11

Автор-составитель В. А. ИВАНОВА

О 11 **О Порецком и поречанах: К 400-летию основания села. — Чебоксары, Чувашское кн. изд-во, 1991. — 175 с.**

Документальный рассказ о Порецком, старинном селе с 400-летней историей на Суре, его «родословной» и сегодняшнем дне. О знатных земляках, кем гордятся поречане, о целой плеяде самобытных писателей из Засурья, о людях самых разных профессий, трудом своим преумножающих доброе имя Порецкого.

ББК 63.3(2)

23858кф

0503020900 — 083
О М 136(03) — 91 без объявления — 91

© Чувашское книжное издательство, 1991

**РОДОСЛОВНАЯ
ПОРЕЧЬЯ**

Издавека, долго течет красавица-Сура, младшая дочь Волги, огибая всю западную окраину Чувашии. И вот уже четыре столетия кряду плещутся ее волны у старинного села Порецкое.

Отменным вкусом обладали его основатели, на редкость живописное место выбрали они для поселения. Крутыми ярами обрываются у Суры плодородные прибрежные земли. Вокруг, насколько хватает взгляду, тают в голубоватой дымке засурские леса. Пронизанные солнцем вековые дубравы сменяются то янтарностволыми соснами в пышных вечнозеленых шапках, то светлым улыбчивым разнолесьем. От самой кромки воды, оттороченной золотистыми песчаными каемками, наперегонки с чащобами кустарников карабкаются ввысь по склону реки раскидистые дуплистые липы. Сквозь лесную глухомань то тут, то там просвечивают голубыми зеркалами небольшие озерца.

И, главное, не подкрадется сюда незамеченным даже самый быстроходный плот или ладья: сделав у крутогора несколько причудливых изгибов, река тут же выпрямляется и будто ярко-синяя лента неторопливо, спокойно струится до самого горизонта.

Первые новоселы появились в здешних местах лишь после взятия Казани, когда непода-

леку был основан город Алатырь, одна из важных сторожевых крепостей на пути в Поволжье, под защитой которой селился служилый люд — пушкар и стрельцы, вольные люди и беглые крестьяне, спасавшиеся от крепостной кабалы. Но, как гласит народное предание, самыми первыми поселенцами будущего села Порецкое были опальные приближенные и даже родня самого Ивана Грозного. Как известно из летописи, в 1591 году в Угличе при зловещих, таинственных обстоятельствах погиб его младший сын малолетний царевич Дмитрий, что вызвало смуту в народе, искусно подогреваемую родственниками Ивана IV: ведь в смерти мальчика подозревался главный претендент на престол Борис Годунов. Но тот сумел быстро погасить недовольство, круто расправившись с его зачинщиками-жителями Москвы и Углича. Главных же своих врагов, почти пятьсот бояр, князей, вышедших из повиновения стрельцов, сослал на самую окраину Московского государства — на необжитые присурские пустоши.

Все ссыльные были наголо острижены, с позорным клеймом на лбу. Все они, независимо от своего происхождения, стали отныне государственными преступниками-«лобачами». Оттого-то и называли поначалу их поселение на Суре хлестким словом «Лобачевка». Споро поднималось сельцо на высоком берегу реки: общая беда, приведшая ссыльных на чужбину, спаяла всех; дружно застучали топоры. И в дремучем лесу одна за другой росли ладные добротные избы из вечных дубовых бревен, украшенные резными фронтонами. Вскоре здесь срубили и небольшую деревянную

церквушку «для спасения грешных душ». Новое поселение оказалось на самом оживленном перекрестке важных торговых путей — водных и пеших, ведущих в Казань, Нижний Новгород, Алатырь, Симбирск. И потянулся сюда самый разный пришлый люд, в том числе и «инородцы» — татары, мордва, чувашаи, которые быстро ассимилировались со старожилами, воспринимая их язык, обычаи, быт и даже веру. Пополняли число местных жителей также беглые крестьяне, спасавшиеся здесь от гнета помещиков. А улица Лобачевка, вытянувшаяся длиннющей цепочкой вдоль берега Суры, спускалась все ниже и ниже по реке, или, как тогда говорили, «по реце». Вот это старославянское «по речке» и дало сохранившееся по сей день название селу — Порецкое.

Так что это, был ли или легенда, его московско-угличские корни? Как знать... История не сохранила документального подтверждения тому. Но в пользу этой версии говорит многое. И акающий «московский» говорок коренных поречан, так непонятно контрастирующий с «оканьем» соседей-нижегородцев. И этнографическое сходство старинных женских костюмов. Да и случайно ли, например, что и поныне самые распространенные в Поречье фамилии — те же, что носила когда-то оказавшаяся в опале знать из окружении Грозного? Так что не зря, наверное, из века в век передавалось это предание о необычной «родословной» села.

В исторических же документах Порецкое, как крупное селение, впервые упомянуто в 1616 году. А ровно через полвека становится

оно уже волостным селом, официальной территориально-административной единицей России.

И побежали десятилетие за десятилетием, век за веком. Причисленные было поначалу к вольным крестьянам поселенцы скоро потеряли волю, надолго попав под крепостное ярмо. Порецкая вотчина, ставшая уже к концу первого столетия своей истории одной из самых богатых в Московском государстве, переходила от владельца к владельцу вплоть до самой отмены крепостного права. Разных хозяев знали здешние жители. Были они под началом и знатного князя А. Сицкого, и предприимчивых бояр Морозовых и Нарышкиных, и фаворита императрицы Анны Иоанновны графа С. Салтыкова. Несколько лет владел порецкими землями сын самого Петра I, царевич Алексей. А последней помещицей была вельможная статс-дама, крутая норовом П. Мятлева.

Всех их объединяло одно — стремление выкачать как можно больше доходов из дальних своих засурских владений. Кроме податей да оброка, десятки пудов, целыми обозами везли оттуда в свои городские дворцы муку ржаную и крупу овсяную, хлеб и мед, яблоки и орехи, знаменитую сурскую стерлядь, самую всевозможную снедь и живность, — в общем, сполна пользовались щедрыми дарами здешних нив, лесов и рыбных угодий.

Знатные господа Порецкого, как правило, не довольствовались пожалованными им землями, всеми правдами и неправдами старались присоединить к ним все новые и новые угодья. Немалый доход давали именитым по-

мещикам и росшие здесь как на дрожжах винокурные, кожевенные, маслобойные заводы, крупорушки и мельницы, самые разные ремесленные производства.

Вот, например, какие профессии были наиболее распространены в Порецком в первой четверти XVIII века, когда вотчиной правил царевич Алексей — кузнецы, серебряных дел мастера, котельники, колесники, санники, бондари, горшечники, столяры, плотники, кожевники, кирпичники, сыромятники, овчинники, рукавишники, шерстобиты, сапожники, портные, шапочники, красильщики, рогожники, солодовники, калашники, мясники, мельники, рыболовы и многие другие, не считая занятых чисто крестьянским делом или торговлей (купцы и крупные предприниматели особенно охотно селились вблизи этого бойкого торгового места). Тогда же на Суре была сооружена и лесосплавная пристань, откуда отправляли в столицу отборные стройные мачтовые сосны и кондовые дубы для строительства российского флота.

Чувашский край издавна славился своими знаменитыми заповедными дубравами. Из здешних могучих приволжских дубов-богатырей по петровскому указу было построено не одно быстроходное судно. Немало таких корабельных роц в ту пору выросло и на правом берегу Суры неподалеку от Порецкого. Да и на левом берегу реки красовались реликтовые нагорные дубравы с деревьями-великанами. Одна из таких роц стеной стояла тогда и в северной части нынешней территории Порецкого. Старожилы и поныне вспоминают, как временами вспучивали здесь землю

остатки огромных дубовых пней толщиной в два-три обхвата. Приехав однажды с Невы на Суру, в свою вотчину, царевич Алексей сразу обратил внимание на одну из таких вековых дубрав. И, зная особое пристрастие Петра I к хорошему корабельному лесу, специально приберегал ее для особого случая, когда понадобится ему благосклонность не очень-то жаловавшего его своим расположением отца. И случай такой скоро представился: адмиралтейству срочно потребовался корабельный дуб. Присурская роща тут же была срублена под корень, и древесина благополучно доставлена водным путем в Санкт-Петербург, чем Алексей очень угодил грозному родителю.

Вот как описывает его реакцию на дорогой душе подарок писатель Дмитрий Мережковский в одном из своих романов: «Спасибо, Алеша... Спасибо за гостинец. В самую нужную пору пришелся. Мой-то ведь дуб, что плотами с Казани плавил, бурей на Ладоге разбило. Так ежели б не твой подарок, с новым-то фрегатом и к осени бы, чай, не управились. Да и лес-то самый добрый, крепкий, что твое железо, давно я такого изрядного дуба не видывал».

Да, поистине богата была порецкая земля. Только вовсе не с неба падали ее щедрые дары, были они плодом жесточайшей эксплуатации крестьян их знатными барами-крепостниками. Ведь сутками напролет бесплатно трудилась беднота на помещиков, сама при этом едва сводя концы с концами. Известный ученый-историк В. Д. Димитриев в своей книге «История Чувашии XVIII века» приводит,

например, такое документальное свидетельство той эпохи, касающееся земледельцев здешних мест. «А в год помещицкому крестьянину, кроме оброчных, дается свободных дней на себя работать лишь у некоторых помещиков в каждой неделе по три дня и по столько же на господина, а у других по четыре и по пяти дней на господина работают... А ныне помещики в случае благополучного времени заставляют беспрерывно на себя работать, а как весь хлеб собран, и сено скошено и сметано будет в стоги, то уж тогда крестьянам дают свободу на себя работать».

Народы Поволжья и Прикамья — русские, чуваша, татары, мордва, марийцы — находились в особо тяжелом положении, эксплуатация была здесь невыносимой. Замученные непосильным трудом крестьяне Поречья напрасно слали властям челобитную за челобитной, — положение к лучшему не менялось. И даже бунты, не столь уж и редкие в те времена, не помогали. Граф И. П. Салтыков, к примеру, чтобы посильней наказать своих непокорных подданных из села Семеновское, специально основал в лесной глухомани за Сурой новую деревню Шадриху, куда и ссылал их на поистине каторжные работы: раскорчевывать лес для создания новых пахотных угодий.

Как нигде много было здесь и беглых крестьян. Так, по данным 1739 года, в бегах находились, не считая детей, 182 мужчин и 126 женщин из Порецкой вотчины, — почти восемь процентов всех здешних крепостных. Не от хорошей жизни покидали они насиженные места, слишком уж невыносимо было крепостное ярмо.

Так надо ли удивляться тому, что когда-то с такой охотой и единодушием вставали местные жители под знамена Степана Разина, а позже целыми деревнями вступали в пугачевское войско?

В середине июля 1774 года Пугачев переправился через Волгу на правый берег реки близ одного из чувашских селений. Его опережала вездесущая молва о крестьянском царе, принесшем народу волю. Одна за другой поднимались против помещиков здешние деревни. Через пару дней восстанием была охвачена и вся Порецкая волость. Были разгромлены имения и убиты помещики в здешних селах Козловке, Ряпине, Ломакине, Анастасове, Коровине, Выползове, Полибине, Скучихе, Сырсях, разгромлены винокуренный и стекольный заводы в Кудеихе, развезен по крестьянским дворам барский хлеб из амбаров села Семеновское. Разгромлен был и помещичий дом в самом Порецком.

19 июля пугачевский манифест, жалующий крестьян волей и «владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями», попал и в имения, расположенные по нижнему течению реки Меня, притока Суры. Но только гонец-повстанец начал читать собравшейся толпе в селе Владимировка этот документ, как тут же упал бездыханным от ножа помещичьего приказчика. Не успели люди придти в себя от неожиданности, как уже и сам приказчик лежал на земле, истекая кровью. А поразившая его метким ударом высокая, статная девушка подняла скомканный манифест, расправила его и продолжала как ни в чем не бывало читать дальше. Это была

дочь местного пастуха, в недавнем прошлом крепостная актриса Настасья Хлопова, которую нестареющая народная память называет в числе наиболее известных военачальников войска Пугачева.

Вот как рассказывает о происшедшей сразу после этого случая их первой встрече писательница-поречанка Вера Жакова, у истоков творчества которой стоял сам А. М. Горький, написавший в ее адрес немало теплых писем, в том числе и об историческом рассказе «Настасья Хлопова»: «Под ее предводительством владимирские, батунинские и шатинские мужики двинулись навстречу... царскому войску. Они нагнали его под Курмышом. Через несколько минут Настасью провели к Пугачеву. В переднем углу, тяжело облокотившись на стол, насмешливо улыбался бородатый сухой человек. Настасья подумала: «Сейчас прикажет высечь», тихонько всхлипнула и заломила тонкие точеные пальцы.

— Генеральша, а ревет... Чего хочешь, какого званья? Грамоте знаешь?

— Воевать хочу.

— Зачем?

Девушка, захлебываясь от рыданий, рассказала о своей нерадостной, нелепой жизни. Пугачев слушал внимательно и настороженно...

— Ну что ж, рабой быть не хочешь — царицей будешь, — усмехнулся он, когда обесиленная Настасья замолчала.

В этот же вечер местный поп обвенчал «государя-императора Петра III» и Настасью. Пугачев сделал ее своим адъютантом. Девушка жадно вдыхала раскаленный воздух необычайных дней. В будущем — императорская

корона, тусклая, тяжелая парча коронационного платья, раболепные улыбки и преклонение. Теперь — пыльные дороги, убогие деревеньки, разъяренная лошадь, пакет на груди и бесконечные полчища людей, которым нужна земля и свобода. И под грохот пушек, у виселиц, на которых качались князья и столбовые дворяне, Настасья поняла, что она кость от кости и кровь от крови этих оборванных, засеченных мужиков, мечтающих о хлебном мужичьем рае, о крепком и тороватом царе».

Но не сбылись крестьянские мечты о воле и счастье: жестоко было подавлено захлебнувшееся в крови пугачевское восстание. Все дороги, ведущие к Порецкому, были густо «обсажены» виселицами. Немало казненных было и в самом селе. На месте многих окрестных деревень остались лишь пепелища и дотла разоренные дома. И на осиротевших семьях подневольных крестьян все туже затягивалось крепостное ярмо.

Долгий, нелегкий путь длиной в четыре столетия прошло Порецкое. Видело старинное присурское село на своем веку и разрушительные войны, и пожары, и стихийные бедствия, голод и эпидемии. Подолгу, всем миром приходилось потом залечивать раны этих бед.

Так, в 1830 году большой урон селу нанес гигантский оползень, разрушивший и навсегда унесший в пучину сурских волн десятки крестьянских изб со всеми хозяйственными постройками, привольно раскинувшимися на склоне реки в окружении садов. Вызвали его подземные грунтовые воды, копившуюся исподволь разрушительную силу которых сто-крат усилили на редкость сильные в ту пору

июльские ливни. На глазах росла, ширилась трещина, появившаяся вдруг неподалеку от спуска к Суре, образовывались все новые и новые ее ответвления. И вот под оглушительные раскаты грома с треском стали рушиться деревянные строения и, нагромождаясь одно на другое, начали сползать со склона в Суру. Так чуть ли не полсела осталось без крова. И не от хорошей жизни в другом конце Порецкого пришлось заложить новую улицу с невеселым названием Растащиha.

Но лишь чуть-чуть пришли в себя, обустроились здесь новоселы — очередная горькая напасть: пожар, во время которого в 1886 году дотла сгорели не только Растащиha, но и соседние улицы — Кабацкая (ныне Колхозная), Кумина (Севастьянова), Ляхова (Октябрьская), — всего сто двадцать дворов. А причина тому — обыкновенная детская шалость.

В ту пору на главной сельской площади появилось небывалое сооружение — медеплавильная печь для отливки церковных колоколов. И пока здесь отливался огромный одиннадцатитонный колокол для Порецкого собора, с утра до вечера вокруг было полным-полно зевак-зрителей, в том числе, конечно, и ребятишек. И вот двое мальчишек-братьев, замороженных работой мастеров, решили и сами попробовать «отлить» колокол из глины. Дождавшись, пока взрослые уйдут в поле, развели под сараем, где сушилось сено, огромный костер, и... в мгновение ока целое море огня разлилось над безлюдным селом...

Кстати, зычный медный колокол, мастерски отлитый порецкими умельцами в самый канун этого бедствия, совсем недолго, всего-то две-

надцать лет, радовал поречан своим малиновым звоном. Он пострадал от нового пожара, который в летописи села сохранился как большой пожар: 320 крестьянских дворов уничтожил он. Повредил огонь и деревянные перекрытия соборной колокольни, и колокол, оборвавшись, всей своей многотонной тяжестью рухнул с высоты, основательно разрушив при падении все три каменных свода.

Но перенесемся мысленно от этого черного дня поречан почти на два столетия назад, когда порецкий крестьянин А. А. Кожин нашел клад. Разбогатев и превратившись в богатого помещика, решил он построить для односельчан большой каменный храм взамен крохотной, срубленной из дуба Лобачевской церкви, заложенной еще в первый год XVII века для спасения душ ссыльных «лобачей». Так в 1723 году в Порецком появился Троицкий собор, самый древний архитектурный памятник села, сохранившийся и доныне. Однако много воды утекло в Суре, прежде чем в 1852 году началась реставрация Троицкой церкви. Последняя владелица Порецкой вотчины П. И. Мятлева сделала к храму пристрой и трапезную, а потом, незадолго до своей кончины, заложила и колокольню. Это монументальное, оригинальной архитектуры сооружение продолжали строить уже ее внуки, в основном, на народные пожертвования. Силком заставляли они крестьян жертвовать на нее деньги и ценности, со всей округи собирали свежие яйца для придания крепости известковому раствору. Тысячи крепостных умельцев были согнаны на эту небывалую для здешних мест стройку.

В 1856 году красавица-колокольня была построена. Тут же, прямо на площади, был отлит большой колокол весом более чем в шестьсот пудов и два десятка других, поменьше, которые всем миром, с помощью множества канатов и лебедок были подняты на высоту. И долгие годы на сотни верст окрест звучал мелодичный перезвон этих колоколов порецкой колокольни, главной достопримечательности и гордости местных жителей, одной из красивейших в Поволжье, над которой не властно было ни время, ни пожары. Но в начале 30-х годов нашего столетия изничтожили ее недобрые ветры сталинского произвола: основание колокольни было разобрано, колокола сняты, и все более разрушался этот ценный памятник древности. В канун 400-летия села многие поречане обратились к землякам с призывом восстановить колокольню в первоначальной красе. Начался сбор народных пожертвований.

В канун Октября в Порецком проживало без малого шесть тысяч человек. Одним из самых крупных населенных пунктов Поволжья по праву считалось тогда это старинное село.

...Как Сура неторопливо, спокойно несет свои величавые воды к Волге, так же неспешно, размеренно текла и жизнь Порецкого в предверии четвертого столетия своей истории. Населявшие его крестьяне возделывали хлеб, растили детей. Самыми разнообразными ремеслами владели мастеровые люди, среди которых особо славились ювелирной тонкостью и сложностью работы кузнецы. Преуспевали купцы, коих немало было в этом известном на всю округу торговом селе. Особый колорит

порецким будням придавала Сура, ведь здешние пристани служили важным перевалочным пунктом для многих товаров, которым было еще плыть и плыть и в ближние волости, и в самые дальние города и веси, даже за границу. Торговали здесь и зерном, и скотом, и изделиями народных промыслов. Одного только хлеба на сурских причалах Порецкого за зиму, бывало, накапливалось до трех-трех с половиной миллионов пудов.

Выразительную картину дореволюционного Порецкого создал местный поэт И. Лавров. Его стихотворением «Порецкое», опубликованным к 300-летию села, и хочется закончить эту главу.

На горе крутой
Расположено
И ничем вокруг
Не огорожено.

Стройно домики
Двухэтажные
По всем улицам
Протянулись.

На верху горы
Стоит храм святой,
И блестят на нем
Кресты золотом.

А на площади
Семинария
Придает селу
Вид величия.

2385840

Под горой течет
Река быстрая.
В берегах крутых
Извивается.

И весной по ней
Баржи грузные
Плывут с хлебушком
Вниз до Рыбинска.

А на пристани
Люд работает,
С песней звонкою
Грузят барочки.

Есть у нас в селе
Богачи-купцы,
Нищеты с сумой
Еще более.

Я люблю тебя,
Мою родину,
Лучше прочих сел
На святой Руси.

МЫ — УЛЬЯНОВЦЫ

Есть в истории Порецкого страницы, неразрывно связанные с именем Ильи Николаевича Ульянова, отца великого Ленина. В 1872 году его стараниями здесь была открыта учительская семинария.

Вот как увлекательно рассказывает об этом в своем известном романе-хронике «Первая Всероссийская» писательница Мариэтта Шагинян: «Инспектор ехал сейчас в село Порецкое, чтоб посмотреть и проверить внутреннюю отделку здания, уступленного удельным ведомством для будущей учительской семинарии.

Весь прошлый год прошел у него в борьбе за эту собственную, симбирскую, на всю губернию учительскую семинарию. Министерство постановило открыть всего их пять: в Санкт-Петербургском и Московском, в Харьковском, Одесском и Казанском учебных округах. И началась война губерний! У каждой были в округе свои защитники. В конце концов победила Саратовская, предложившая для учительской семинарии свой Сердобский уезд.

Илья Николаевич думал было, что прогорело дело. Он знал по опыту: сердобцы в свою семинарию примут только своих, а когда кончат они учебу, их разошлют по всей Саратовской губернии, имеющей нужду в учителях, как имеют эту нужду и симбирцы. И вдруг—неожиданность! Сердобский уезд тщетно по-

дыскивает у себя в деревнях помещение для семинарии. Нет и нет этого помещения! А тут... удельное ведомство отвалило им здание в селе Порецком, замечательное здание, какие строит только казна, с колоннами на фасаде, или хоть не с колоннами, это он перемахнул, но как бы в колоннах — трехэтажное, каменное, с палисадником перед ним.

Он видел его при своих наездах в Порецкое только мельком, никак не полагая, что будет посылать туда своих кандидатов на обучение. А сейчас это белое внушительное здание со средним корпусом в три этажа, с пятнадцатью окнами во всю длину второго этажа казалось ему настоящим университетом для будущих народных учителей. По его предложению училищный совет утвердил будущим директором давнишнего друга его, естественника Владимира Александровича Ауновского, и Ауновский с радостью согласился. Ауновский не только был педагог, но обладал краеведческой жилкой или, как тогда чаще говорилось, интересом этнографа... — живой интерес ко всему ключом бил в этом человеке, и без Ауновского, может быть, и губерния не знала бы о себе так много, как узнает сейчас.

Порецкая учительская семинария была любимой мыслью Ильи Николаевича. Он страстно хотел ей успеха и каждой мелочью — переделкой внутреннего помещения под классы, отводом места под общежития, нужную мебелью, материалом для стенных переборок, обоями, числом и составом книг в библиотеке — занимался самолично. Да, это было великое счастье, что сердобцы не смогли найти по-

мещение, а он этим воспользовался и провел в округе постановление — открыть семинарию в селе Порецком! Сейчас он ехал туда, чтоб проверить строительную часть...»

Добротное здание это, красующееся на берегу Суры и по сей день, уже более двух столетий, было построено здесь вскоре после разгрома пугачевского восстания. Оно сооружалось не только взамен сожженного повстанцами барского дома, но и как официальный рабочий офис для владельцев Порецкой вотчины; не случайно с тех давних пор сохранилось в народе его прежнее просторечное название — «контора». Графу П. И. Салтыкову, тогдашнему помещику порецких земель, эта стройка, длившаяся более четырех лет и завершившаяся лишь в 1780 году, обошлась всего-навсего в сто рублей. Ведь все делалось из местных материалов, исключая только железо для кровли да фасонные балконные решетки, масляные краски, готовые чугунные плиты для ступеней парадной лестницы и еще кое-какие мелочи. И труд строителей бесплатный: сотнями сгонялись сюда крепостные крестьяне из самого Порецкого и окрестных приурских деревень. Да и главный «прораб» был свой же — простой крепостной мужик из Семеновского Макар Локтионов, которому отсутствие специальных знаний заменяли природный ум и сметливость да страх перед гневом господина в случае неудачи, в случае невыполнения задания.

Никогда не оскудевала талантами порецкая земля, и на редкость добротным, красивым получилось это здание, сооруженное безымянными мастерами прошлого в строгом класси-

ческом стиле. Отлично вписалось оно и в архитектурный ансамбль с гордо высящимся по соседству Троицким собором, и в местный ландшафт: на редкость живописный вид открывается отсюда, с высокого косогора, на засурские дали.

...На фронте этого нарядного белокаменного дома, где сейчас размещается Порецкая школа-интернат имени И. Н. Ульянова, уже много лет назад установлена памятная мемориальная доска: «Здесь в 1872 году была открыта учительская семинария И. Н. Ульяновым». Очень дорого поречанам это заветное имя!

Ко времени отмены крепостного права в селе с 6-тысячным населением была лишь одна-единственная школа, про которую новый инспектор (а затем и директор) народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов в своем отчете Министерству народного просвещения отзывался весьма нелестно: «Школа в селе Порецком Алатырского уезда представляла печальное зрелище: школа была расположена в неудобной наемной квартире, где 30 мальчиков едва могли поместиться; ученье шло плохо...» Да и преподавал в ней сельский дьякон, не имевший никакого отношения к педагогике.

В соседней школе, в селе Сыреси, дело тоже обстояло не лучше: голые стены, ни парт, ни учебной доски. «Я знаю, что хуже этой школы мир не создал», — с горечью признавал, побывав здесь, Илья Николаевич. Но даже и таких школ было раз-два и обчелся, половина волостей огромного Алатырского уезда и вовсе их не имела. С учителями же для них дело

обстояло совсем плохо, подавляющее большинство из них были самоучками или священнослужителями.

Вот в этих условиях Илья Николаевич и ратовал за создание в глухих, сплошь неграмотных волжских деревеньках школ, за подготовку для них национальных кадров учителей. Вот потому-то, не жалея сил и времени, «воевал» он и за открытие Порецкой учительской семинарии, привлекая своим энтузиазмом, неутомимой настойчивостью все больше и больше единомышленников самого разного ранга. Вот, например, какой восхищенный отзыв одного из них, управляющего Симбирской губернской удельной конторы А. Ф. Белокрысенко, приводит в своем документальном романе М. Шагинян: «Ульянов—кремень, твердыня, есть в нем, знаете ли, как бы это сказать, система, последовательность, трудовой навык».

Два с половиной месяца шла интенсивная переписка. Из одной инстанции в другую, включая самые высшие, шли прошения о передаче под Порецкую учительскую семинарию бывшей барской «конторы» со всеми хозяйственными постройками и фруктовым садом, перешедшей после отмены крепостного права в ведение самого императорского двора. Более ста документов содержала папка с перепиской. И, наконец, хлопоты увенчались успехом: 13 сентября 1872 года «император высочайше повелеть соизволил» безвозмездно передать принадлежащее царской семье здание под учительскую семинарию для подготовки учительских кадров.

Уже через два месяца здесь прозвенел пер-

вый звонок для первых 19 студентов. При рождении своего детища присутствовал и Илья Николаевич. И потом он то и дело, при малейшей okazji, приезжал сюда, присутствовал на выпускных экзаменах, не раз по душам беседовал с питомцами нового учебного заведения, всячески помогал им. А преподавать в семинарии он уговорил полтора десятка лучших своих питомцев с Симбирских педагогических курсов, согласившихся ради нового дела переехать в глубинное Порецкое. Потом их ряды пополнили первые выпускники нового «сельского университета», которых в народе называли «ульяновцами». Знания и полученные в ходе учебы практические навыки по садоводству, огородничеству и пчеловодству, по столярному и переплетному делу, в токарной мастерской помогли им стать поистине народными учителями для крестьянских детей. Да и сами они в большинстве своем были местными, выходцами из присурских селений. Вместе с русскими здесь обучались также чуваша, татары, мордва, представители других национальностей. Уже за первое десятилетие после открытия Порецкая семинария подготовила 78 народных учителей для всей Симбирской губернии.

И не случайно писал в ту пору один из современников Ильи Николаевича: «В одно и то же время Ульянов был просветителем целой губернии, строителем сельских школ, вечным просителем, назойливо вымаливающим у земства лишний грош на школы, единственным руководителем педагогических курсов.., зас-

тупником и добрым гением учителей и учительниц».

Вплоть до самых последних дней своих Илья Николаевич продолжал опекать любимое детище. Особой его заботой было пополнение библиотеки семинарии. Он использовал любую возможность для приобретения новых книг, причем не только для библиотечных фондов, но и для самих будущих учителей, чтоб была у них под рукой на первых порах самостоятельной работы вся необходимая литература. На одном из заседаний педагогического совета семинарии спустя несколько лет после ее открытия по его инициативе специально был заслушан вопрос о комплектовании библиотеки из восемнадцати лучших учебных пособий для вручения выпускникам вуза.

Перенес И. Н. Ульянов в Порецкое и свой давний личный преподавательский опыт: организовал здесь обучение учащихся азам метеорологических наблюдений. И так успешно пошло у них дело, что позже здесь была даже открыта государственная метеорологическая станция, откуда ежедневно, три раза в сутки, телеграфом передавались оперативные метеосводки в Петербург, в Главную физическую обсерваторию.

В общем, Порецкая учительская семинария вскоре стала одной из лучших в России. Со всех концов Симбирской губернии шли самые лестные отзывы о молодых народных учителях-ульяновцах, их новаторстве, которые, однако, позже, с разгулом реакции, нередко превращались в свою противоположность. Питомцев семинарии «в верхах» все чаще и ча-

ще стали обвинять в вольнодумстве, в том, что из ее стен «выходят нигилисты, атеисты и вообще неблагонадежные в политическом отношении...» И даже высказывались категоричные требования закрыть ее. Только заступничество Ильи Николаевича спасало ее, и не раз, от таких нападков.

В дореволюционные годы своего существования порецкая семинария подготовила 765 учителей, которые сеяли «разумное, доброе, вечное» во всем Поволжье, учительствовали во многих сельских школах России.

И после победы Октября она продолжала играть заметную роль на ниве народного просвещения края. В 1919 году на ее базе были созданы трехгодичные педагогические курсы, которые возглавил действительный член Академии педагогических наук РСФСР, профессор Московского пединститута И. К. Андронов; затем — педагогический техникум, переименованный в 1937 году в педучилище. В Советское время из стен этого учебного заведения вышло более полутора тысяч педагогов. Среди его питомцев — генерал-майор С. И. Недвигин, лауреат Государственной премии СССР, инженер Н. П. Громов, доктора наук и профессора И. К. Андронов, Н. Г. Лексин, В. С. Абрамов, Г. Н. Рождественский, И. С. Морозов, известные общественные деятели В. В. Кузнецов, А. Н. Гусев, писатели И. А. Фролов и В. И. Алатырцев, художники А. М. Долгов и В. А. Мосин, солист Большого театра Союза СССР профессор Московской консерватории В. П. Мухин, Герой Советского Союза И. В. Яшин, кавалер орденов Славы всех трех степеней А. И. Грушин и другие.

Вот уже четвертое десятилетие хозяевами этого белокаменного дома над Сурой являются дети: здесь теперь Порецкая школа-интернат имени И. Н. Ульянова. А еще действуют в селе общеобразовательная средняя школа и среднее профессионально-техническое училище, где получают знание почти полторы тысячи юных поречан.

**ЖОРЬ
У БЕРЕЗ ДЕТСТВА**

...Стоит на взгорке дом, открытый всем ветрам. Издали, едва покажется за изгибом речки Висяжки деревня Крылово, выделяешь его взглядом среди других изб, — такого он веселого, ярко-голубого цвета. А подойдешь ближе — дом и вовсе будто улыбается, радуется глаз резными наличниками окон, деревянным кружевом над нарядным крыльцом, замысловатыми якорями, украсившими фасад, и вывеской «Музей академика А. Н. Крылова». И мраморной мемориальной доской, установленной еще к столетию со дня его рождения, с надписями на русском и чувашском языках: «Здесь родился и провел детские годы выдающийся русский ученый-академик Алексей Николаевич Крылов. (15.VIII. 1863—26.X. 1945)».

Правда, слово «здесь» не совсем точно: дом, где родился ученый с мировым именем, не сохранился. Он стоял чуть поодаль, там, где сейчас легко избегают по крутым овражистым склонам вековые дубы и ветлы, еще, наверное, ровесники детских игр будущего «адмирала корабельной науки», как называли Крылова современники. А музей разместился в бывшей школе: самом старинном здесь деревянном здании.

...Ходят по морям-океанам суда, носящие имя академика Крылова, в его честь учреждены всевозможные премии, он воспитал це-

лую плеяду блестящих ученых. А. Н. Крылов по праву считается не только основоположником русской научной школы кораблестроения. Обладая поистине энциклопедическими знаниями, он оставил заметный след в самых различных областях науки и, прежде всего, в математике. Был также замечательным механиком и изобретателем, знатоком военного дела и астрономии. Потому-то так гордятся земляки Алексея Николаевича, что родился он на порецкой земле, что здесь, в деревне Висяга, носящей ныне имя Крылова, прошло его детство. И что будучи уже ученым, приезжал он сюда навестить родных, поохотиться, порыбачить в Висяжке, о которой так тепло отзывался в своих знаменитых мемуарах «Мои воспоминания».

И с особым чувством вглядываешься на стендах сельского музея в фотографию более чем столетней давности, — маленький Алеша вместе с родителями.

Мать его, Софья Викторовна, была из старинного дворянского рода Ляпуновых (как гласит семейное предание, их прямым предком был сам Александр Невский). Отец, Николай Александрович, уроженец Алатырского уезда, принадлежал к числу людей незаурядных, обладал самыми разными познаниями, не лишен был литературных способностей. Среди родственников Крылова по материнской и отцовской линии было немало знаменитостей. Так, неподалеку от Висяги, в старинном селе Теплый Стан (ныне Сеченово Нижегородской области), жили Сеченовы и Филатовы. И в детстве Алеша не раз встречался там со всемирно известным ученым-физио-

логом И. М. Сеченовым. Родственными узами был он связан с одним из основоположников отечественной педиатрии Н. Ф. Филатовым, с академиком офтальмологии В. П. Филатовым, чье имя было овеяно легендами, с революционеркой В. Н. Фигнер, с прославленным математиком, академиком А. М. Ляпуновым и композитором С. М. Ляпуновым, известным ученым биологом Б. М. Житковым, физиологом профессором В. А. Анри. Это окружавшее его соцветие талантов, лучших умов России, несомненно, во многом оказало влияние на его судьбу, как ученого, на его собственный блестящий интеллект, энциклопедичность знаний. Недаром еще в Петербургском морском училище он поражал преподавателей эрудицией и глубиной знаний и, как особо отличившемуся, ему присуждена была специальная премия, а имя его занесено на доску Почета училища. Золотыми буквами было занесено имя А. Н. Крылова и на другую мраморную доску Почета, когда несколькими годами позже кончает он кораблестроительное отделение Морской академии.

...И с особым чувством смотришь на другой музейный экспонат, фотографию уже не мальчика, а седобородого Крылова, сделанную в самом конце его долгого жизненного пути, при вручении третьего ордена Ленина, и сказанные при этом слова академика, его своеобразное кредо: «Работай упорно и регулярно изо дня в день и тогда в старости ты сможешь сказать: жизнь прожита мною недаром».

А вот фотокопия рукописи — описания самого первого открытия будущего ученого.

Буквы здесь выведены на редкость аккуратно, старательно, одна к одной. Рядом — первый печатный научный труд, тут же и один из сборников многотомного собрания сочинений. Или вот памятная медаль, выпущенная к 100-летию со дня рождения А. Н. Крылова, юбилейная почтовая марка с его портретом...

Родился этот сельский музей из коллекции, которую долгие годы неутомимо собирала и бережно хранила у себя семья дальнего родственника ученого, ветерана крестьянского труда М. А. Захарова. Потом в этот поиск включились и другие местные краеведы, крупица за крупицей пополняя экспонаты. Буквально каждый житель Крылова внес свою лепту в создание музея. Своими руками обновляли обветшалый дом, ладили аккуратную изгородь, сообща подбирали «морской» голубой колер для фасада. А потом всем миром закладывали рядом с музеем аллею памяти Крылова, сажали вечнозеленые елочки.

Несколько лет назад в этой аллее появилось еще одно стройное деревце, рядом с которым прикрепили именную табличку: что посадил его здесь профессор Капица Андрей Петрович, член-корреспондент Академии наук СССР, внук знаменитого ученого.

Хлебом-солью на расшитом старинными узорами полотенце, букетами цветов, трогательными сувенирами встретили его сельчане, посветили в почетные граждане деревни Крылово. И раздольную песню посветили дорогому гостю местные самодеятельные артисты: «У моей России — руки золотые, у моей России — славная судьба».

Будто и про них самих, жителей этой не-

большой деревушки, затерявшейся в самой глубинке России, была эта песня: про тех, кто растил хлеба и трудом своим во все времена славил родной край, про тех, чьи имена высечены на обелиске воинской славы, установленном здесь же, про многих их земляков, и безвестных, и знатных, и, конечно же, про «адмирала корабельной науки», большого специалиста в области математики, механики, физики, астрономии, педагогики А. Н. Крылова...

Задумался, слушая песню, профессор А. П. Капица. Внук и сын всемирно знаменитых ученых, сам маститый ученый-географ, участник нескольких антарктических экспедиций. Неутомимый путешественник, исколесивший за свой век более шестидесяти стран планеты, он давно, еще с того военного лета в Казани, когда стал самым первым слушателем и свидетелем написания знаменитых крыловских «Моих воспоминаний», а многие годы спустя и редактором их нового издания, мечтал побывать в деревне Висяга, ныне Крылово. И вот, наконец, он здесь... Бережно держит Андрей Петрович резной ларец со священной землей с родины деда. Такую же реликвию крыловцы попросили передать и его матери, Анне Алексеевне. Ее, дочь их земляка-академика, также называли они почетным гражданином своего селения.

«Я был поражен любовью, с которой сохраняется память об академике А. Н. Крылове, моем деде, — с волнением записал А. П. Капица в книге посетителей сельского музея. — Музей Крылова, который я осмотрел, еще раз подтверждает, что память человечества о сво-

ей родине — величайшее выражение благодарности его своему славному сыну. Большое спасибо односельчанам Алексея Николаевича за память о нем».

Он подарил музею редкие фотографии А. Н. Крылова, фотокопии его рукописей, — десятки новых памятных экспонатов. «Богатеем!» — не мог скрыть своей радости общественный хранитель музея, один из его основателей Д. Г. Краснов.

Вдвойне памятным для крыловцев был этот осенний день: ведь внук академика-корабеля приехал на торжества, посвященные открытию в их селе памятника-бюста своему знаменитому деду. Бюст был любовно изготовлен руками земляка-крыловца, живущего сейчас в Мордовии, художника П. Е. Краснова.

...Седобородый, с непокрытой лобастой головой, по-молодому подставленной навстречу свежим ветрам Поречья, с внимательным взглядом, неотрывно устремленным вдаль, — таким и запечатлел его скульптор.

...Легли у подножия памятника розы, особенно прекрасные в эту студеную пору глубокой осени. Почти до самой земли провисли «по-морскому» огородившие его тяжелые кованые цепи. По краям его застыли в почетном карауле высоченные красавицы-березы, взметнувшие густые кроны чуть ли не до неба. Постамент бюста украсил символический морской якорь. И один за другим падали на него последние золотистые листья. Листья с берез, растущих на земле детства академика-корабеля Крылова.

**ВОЙНА
К СУРЕ НЕ ПОДХОДИЛА**

Лет десять назад в адрес Порецкого краеведческого музея пришла издалека посылка. Когда ее открыли, там оказался орден Красного Знамени, принадлежащий уроженцу прикурского села Раздольное Павлу Ситникову, участнику гражданской войны. А передала этот бесценный экспонат в дар музею его дочь, участница Великой Отечественной войны.

П. Л. Ситников отличился в мае далекого 1920 года при переправе через реку Березина. Как отмечается в приказе Реввоенсовета, горстка бойцов пулеметным огнем отражала «до последнего патрона натиск противника и тем дала возможность батальону пехоты приблизиться к переправе». Всего 44 бойца было награждено высшей революционной наградой — орденом боевого Красного Знамени. И характерно, что среди горстки героев было сразу два поречанина — П. Л. Ситников и его односельчанин И. М. Доронькин.

Видно, особым свойством отличается свежий сурский ветер, настоенный на духмяных степных травах, зелени крон лесных великанов-деревьев: во все времена, начиная с освободительных войн Разина и Пугачева и кончая священной Великой Отечественной, всегда отличались поречане особой храбростью, мужеством. Никогда не прятались они в кусты, грудью шли в атаку, жизни не щадя

за народное дело. Немало было среди них и красных комиссаров, кого поэт Михаил Светлов образно называл верными рыцарями революции, ее бесстрашными мушкетерами.

В самом Порецком в числе тех, кто утверждал здесь Советскую власть, был и местный уроженец чрезвычайный комиссар П. И. Подзаходников, первый председатель волостного Совета. Поначалу был он поистине «один в поле войны», единственный в селе с шеститысячным населением большевик. Но вскоре «ряды удвоились»: вернулся в Порецкое другой его земляк — большевик А. П. Шигаев, который всячески помогал Подзаходникову, подстраховывал в трудную минуту, а нередко, рискуя собственной жизнью, спасал от самосуда разъяренных кулаков. День ото дня все больше единомышленников становилось рядом с ними: кузнец И. Ф. Баскаков с сыновьями Иваном и Яковом, матросом-потемкинцем и учитель Порецкой семинарии И. К. Андронов, поречане С. П. Михайлов, А. А. Баскаков, А. А. Гаранин, Г. Т. Сусленков...

В установлении Советской власти в Поречье видную роль сыграли М. Д. Хламин и комиссар М. И. Назаров, продкомиссар, делегат II съезда Советов И. Ф. Вахатов, бойцы легендарной «железной» дивизии Гая. Тернистым был путь первопроходцев: от белогвардейской пули пал комиссар полка М. И. Назаров, во время кулацкого мятежа погиб сельский учитель Н. А. Мартьянов.

Короткую, но яркую, как факел, жизнь прожили верные солдаты революции Андрей Фролов и Дмитрий Авров.

О них — более подробный рассказ. Давайте

вместе перелистаем посвященные им книги И. Кузьмичева «Комиссар Фролов» и Н. Аврова «Солдат революции».

* * *

Есть что-то романтическое в самой фамилии «Авров»: будто одного корня она с легендарной «Авророй», породнившей его навсегда с городом на Неве. И не случайно имя Аврова присвоено одной из площадей Петродворца и двум крупным предприятиям в пригородах Ленинграда. Золотом выбито оно также на розовой гранитной плите Марсова поля, где солдат революции нашел свой вечный покой.

Родился Дмитрий Авров в селе с поэтическим названием Липовка, в дружной многодетной семье сельского учителя, где кроме него подрастало еще восемь братьев и сестер. Характер мальчика — любознательного, подвижного — формировался во многом под влиянием рассказов о былом бабушки, бывшей крепостной крестьянки, мудрой народной педагогики матери, в основу которой легли ее природное трудолюбие, доброжелательность и, конечно, природы родного Поречья.

Уже к семи годам мальчик сам, без помощи взрослых, выучился читать и писать, рано пошел в начальную сельскую школу. Потом продолжил образование в соседнем Алатыре. И вот он — студент Петербургского психоневрологического института, не без основания слышшего в начале столетия «революционным гнездом», рассадником «крамолы», — которая

тоже немало сказалась на формировании личности Аврова.

Приезжая на каникулы в родное село, Дмитрий частенько катался на лодке по Суре, рыбачил, часами бродил по девственным присурским лесам.

Всего год оставался ему до долгожданного диплома врача, как началась первая мировая война. И студент Авров попадает в Иркутскую школу прапорщиков, окончив которую, назначается командиром стрелковой роты. Незадолго до отъезда на фронт он присылает домой, матери, свою фотографию с надписью: «Посматривай почаще, вспоминай, как я нырял и все же выплывал. Еще раз нырну, окунись в пороховых волнах, если вынырну, то совсем закалюсь».

И жизнь закаляла его: вскоре за храбрость и отвагу в боях его произвели в прапорщики, потом он стал поручиком, штабс-капитаном. Солдаты любили своего молодого командира за личную отвагу, за уважительное отношение к простому люду. Когда свершилась Февральская революция, выбрали его в полковой комитет. А в октябрьские дни 1917-го Дмитрия Аврова, как одного из самых авторитетных среди солдатских масс командиров, назначили сначала полковым комиссаром, а потом — и комиссаром всей Первой армии Северного фронта, хотя в ту пору ему было всего 27 лет.

После заключения Брестского мира — новый виток в его биографии: назначается комиссар Авров членом Государственной комиссии по детству. Без усталости ходит он в своей поношенной военной форме по самым разным адресам, доставая для голодающих

ребятишек еду, одежду, игрушки. Но недолго пришлось трудиться солдату революции на мирном поприще, его воинский талант нужнее был в борьбе с контрреволюцией. И на самых разных фронтах гражданской войны видим мы в те огненные годы уроженца Поречья. Участвует Дмитрий Николаевич в подавлении белогвардейских мятежей в городах Поволжья, возглавляет красную Казанскую дивизию, обороняющую город, а когда власть в нем переходит к Советам, становится комендантом всего Казанского укрепленного района, защищая его от колчаковцев. Едва поспокойнее стало на Восточном фронте, Авров — уже под Москвой, строит там оборонительные сооружения — заслон Деникину. Но вот в том же суровом 1919-м самые черные тучи начали сгущаться над городом на Неве, который все беспощаднее брали за горло полчища Юденича. Именно Дмитрию Николаевичу Аврову было доверено самое важное задание: его назначают комендантом Петроградского укрепленного района.

Он лично возглавил Совет внутренней обороны города, объявленного на осадном положении. И в Красном Питере день и ночь строят непроходимые заслоны, формируются рабочие отряды, готовые до последнего патрона биться за каждое здание, за каждую пядь земли. Всего по 2—3 часа в сутки удавалось спать начальнику обороны, каждодневно приходилось ему выдерживать адское, нечеловеческое напряжение. Он был поистине вездесущим. Один из участников обороны Петрограда, потомственный рабочий, вспоминал: «Как-то, обойдя посты, не раздеваясь, я при-

лег и сразу уснул. Вдруг будит дежурный: «Товарищ командир, вызывает Авров». Взглянул на циферблат — три часа утра. Вот, думаю, неугомонный... Авров посмотрел на меня усталым взглядом и сказал шепотом: «Простите, не могу говорить громко, должно быть, простудился». Потом стал задавать вопросы: «Как идет военная подготовка бойцов? Какие трудности в снабжении питанием и вооружением?» Услышав жалобу, что недостает винтовок и патронов, Авров возразил: мол, плохо ищите, надо тщательно обыскать квартиры сбежавших буржуев. Он оказался глубоко прав: здесь были обнаружены тысячи винтовок, сотни тысяч патронов, револьверов, десятки пулеметов. В одном из посольств нашлась даже трехдюймовая пушка».

Наикритичной была тогда здесь обстановка. «Можете считать, что мои войска уже в Петрограде», — уверенно заявил Юденич в интервью иностранным журналистам. Ан, поторопился!

Лично вникать в каждую, казалось бы, мелочь, действовать умело, оперативно, — таково кредо Аврова. Он был для других примером выносливости, неутомимости, революционной страстности, своего рода аккумулятором, от которого получали каждодневную боевую зарядку красные командиры. «Это был сверхдинамичный организатор с крепким характером и подкупающей человеческой простотой, — отмечал один из его соратников по героической петроградской эпопее. — Его приказание, даже просьбу нельзя было не выполнить, потому что он не только словом, но даже взглядом мог убедить любого, что это

так надо для пользы дела». Его уважали, с ним считались, о нем складывались легенды.

Хотя непосредственная угроза Петрограду миновала, Юденич предпринял новую отчаянную попытку овладеть его пригородами. И вновь на самом опасном участке — Дмитрий Авров, лично возглавивший бригаду особого назначения. А едва здесь миновала угроза прорыва, он вновь на своем, как говорили тогда «дьявольски трудном посту» начальника внутренней обороны Петрограда, за что в числе первых в молодой республике Советов был награжден орденом боевого Красного Знамени. Снова он — гроза любой «контры», верный рыцарь революции.

Когда, наконец, наступила короткая передышка, свой первый «мирный» отпуск Дмитрий Николаевич провел на Суре, у родных. За эти короткие, быстротечные дни успел немало доброго сделать для своих земляков, особенно для детворы местной школы: с его помощью здесь вставили выбитые стекла, завезли топливо, позаботились о школьных завтраках...

Но быстро пролетел отпуск, и опять Авров в городе на Неве. Дня не проходит, чтоб не выезжал он на приграничную с буржуазной Финляндией полосу, где все чаще вспыхивала провокационная перестрелка. Каждый служивший здесь красноармеец, не заглядывая в боевые сводки, знал: если красный авровский автомобиль возвращается в сторону Петрограда не пустым, а с самим комендантом города, значит, на границе все спокойно.

А под новый, 1920-й год Авров самолично организовал елку для детей красноармейцев,

подарив детворе в эту суровую пору незабываемый светлый праздник-сказку...

Летом того же года в Петрограде, в Таврическом дворце, открылся Второй всемирный конгресс Коминтерна. Организовать встречу и охрану прибывших со всех концов планеты делегатов и персонально В. И. Ленина было поручено лично начальнику Петроградского укрепрайона Д. Н. Аврову. Память об этом сохранила фотография, где среди группы делегатов — В. И. Ленин, М. Горький, М. И. Ульянова. Чуть позади, в тени колонн, стоит Авров в фуражке и военной форме: он находился здесь при исполнении служебных обязанностей. Позже он так рассказывал друзьям и родным, как после этой с трудом организованной им съемки (Ильич очень не любил фотографироваться) он охранял дорогого гостя, решившего прогуляться по скверу: «Иду следом, стараюсь быть незамеченным, так как знаю, что Ленин не переносит «телохранителей». Признаюсь, никогда еще не испытывал такого страха, как в этот раз, за жизнь Ленина. Вокруг ограды собрались жаждающие увидеть Ильича, приветствовать его. Но была ли гарантия, что среди беззаветно преданных Советской власти людей не окажется матерый белогвардеец, способный занести преступную руку на вождя народа? Сопровождая Ильича, я всячески старался не попасть на глаза Ленину. Но Ильич глазом опытного конспиратора мигом раскрыл мою уловку:

— Ну что это, товарищ Авров? Заслуженный командир, а ходите за мной, как нянь-

ка! — и улыбнулся своей неповторимой, обаятельной улыбкой».

Ум и незаурядные военные способности Аврова вскоре выдвинули его на новый высокий пост командующего войсками Петроградского военного округа, куда входило и несколько соседних областей. И здесь по-прежнему главными были знаменитые «авровские» требования: точность, аккуратность, правдивость и умение быть хозяином своего слова. Эту «школу Аврова» с благодарностью вспоминали потом многие видные командиры Красной Армии. К военным заботам командующего жизнь нередко добавляла и весьма неожиданные гражданские обязанности: когда, например, начали свирепствовать эпидемии тифа и холеры, именно Дмитрия Николаевича поставили во главе чрезвычайной тройки по борьбе с эпидемиями. Как он был первым в самом пекле боев, так и тут лично обходил тифозные бараки, не щадя себя в борьбе и с этим злейшим врагом революции. И еще один яркий штрих к его биографии. Както данной ему властью вступился он за уникальную оранжерею Таврического дворца, защитил от холода редкие тропические пальмы, экзотические южные цветы, распорядившись без перебоев снабжать теплицу топливом. Об этом случае писали в свое время в «Правде» и «Известиях» Александр Серафимович и Михаил Кольцов.

Всего за несколько послеоктябрьских, спрессованных временем лет, Дмитрий Авров пережил столько, что иному хватило бы, наверное, на несколько жизней. В наиболее острые для молодой республики Советов моменты

он — на самых «горячих» точках. Вот и в конце февраля 1921 года, когда у самых ворот Петрограда начался кронштадтский мятеж, и город на Неве вновь оказался в осадном положении, Дмитрий Авров опять, в который уже раз, возглавляет здесь оборону. А после подавления мятежа его бросают на новый фронт — на борьбу с голодом в Москве.

Но и, сменив меч на орало, снова по 14—16 часов на ногах, снова сутками без отдыха. «Никогда ни о чем не просил этот человек, — писал многие годы спустя его брат Н. Авров. — И только стороной узнали, что он живет почти впроголодь с больной женой. Попытки друзей улучшить его материальное положение неизменно получали резкий отпор: «Дмитрий Николаевич не любит выделяться».

Но сил уже не хватало, организм, сломленный в годы гражданской войны, начал сдаваться. Дмитрий Авров умер совсем молодым, 32-летним, от воспаления головного мозга... «Товарищ Авров — один из тех борцов, которые спасались от пули врага, чтобы умереть затем от переутомления и истощения», — писала в некрологе о нем 8 августа 1922 года «Правда».

Он был похоронен в ставшем ему второй родиной городе на Неве, на Марсовом поле, среди других солдат революции, отдавших жизнь за народное дело. Это будто о нем лично слова А. В. Луначарского, высеченные здесь на граните:

Не жертвы-герои

Лежат под этой могилой.

Не горе, а зависть

Рождает судьба ваша
в сердцах
Всех благородных
потомков.
В красные страшные дни
Славно вы жили
И умирали прекрасно.

* * *

«Комиссару тов. Фролову.
Приготовиться к выступлению ору-
дий к 10 часам вечера 29.X.
Председатель Совета народных
Комиссаров Ленин».

Эта резолюция, написанная быстрым ленинским почерком на обороте распоряжения, которое дал Петроградский Военно-революционный комитет комиссару А. И. Фролову, помещена в 50-м томе полного собрания сочинений В. И. Ленина. За этими короткими строками встает один из эпизодов самых первых октябрьских дней после залпа «Авроры»: отряду Фролова предлагалось отобрать у юнкеров Михайловского артиллерийского училища орудия и хранящееся там огнестрельное оружие и немедленно выступить в полной боевой готовности против мятежников Керенского и Краснова.

Адресована была эта ленинская директива 25-летнему большевику Андрею Фролову, уроженцу села Напольное Порецкого района.

Рос он в многодетной крестьянской семье. Долгие годы жили Фроловы в крохотной ветхой избушке, пока, наконец, удалось доста-

вить дом побольше. Глава семьи умер рано, пятерых детей воспитывала одна мать, и из-за бедности Андрей смог кончить лишь четыре класса. Еще подростком вынужден он был пойти на заработки, чтобы помочь семье. Работал учеником приказчика в магазине, потом благодаря его трудолюбию и исключительной честности хозяин магазина поставил Андрея приказчиком, заставляя при этом работать буквально на износ, выматывая из него все жилы. Но все же выкраивал он время на чтение, перечитав многие книги в Поречской учительской семинарии, на самообразование с помощью местной интеллигенции. С началом первой мировой войны призвали его в армию и отправили в Среднюю Азию, в Самарканд. Как отмечается в «Советской исторической энциклопедии», уже через два года Андрей Фролов стал одним из популярных среди солдат большевистских агитаторов. И в 1917 году от солдат одного из здешних гарнизонов он был избран в местный Совет, потом — в Самаркандский Совет рабочих и солдатских депутатов, затем — делегатом съезда Советов всего Туркестанского края. А оттуда с мандатом делегата от Самарканда А. И. Фролов выезжает в Петроград, на II Всероссийский съезд Советов.

Как известно, к моменту открытия съезда, в 10 часов 40 минут вечера 25 октября 1917 года, на нем присутствовало 649 делегатов, в том числе 390 большевиков. В знаменитом воззвании съезда, написанном В. И. Лениным, говорилось: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на свершившееся в Петрограде по-

бедоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки». В этот звездный час всемирной истории, когда рождался в России новый государственный строй, в штабе Великого Октября — Смольном находится и наш земляк — поречанин Андрей Игнатьевич Фролов. В числе других делегатов он слушал доклады Ильича, принимая Декреты о мире и о земле.

Но революция в опасности, срочно требуется уже не словом, а оружием защищать ее. Делегат-большевик Фролов поступает в распоряжение Военно-революционного комитета, его назначают на пост помощника комиссара армии и флота, а уже 29 октября (которым и датирована ленинская директива) самостоятельно выполняет сложные комиссарские обязанности. И он с честью выполнил ленинское задание: в считанные минуты разоружил юнкеров Михайловского артиллерийского училища, а отобранное у них оружие использовал против белых войск генерала Краснова.

Первые натиски контрреволюции в Петрограде были отбиты. Теперь будущее революции зависело от положения дел на местах. 29 делегатов II съезда Советов командировались в самые разные города и области «для согласования деятельности местных Советов с ВЦИК». В их числе и Андрей Фролов: его направляют в Туркестан, оттуда он и приехал только что на берега Невы. В ноябре он становится председателем Самаркандского областного Совета рабочих и солдатских депутатов.

Как вспоминает его земляк — односельчанин С. Ф. Сидоркин, бывший в ту пору на-

чальником гарнизона и военным комиссаром Туркестана, вернулся он домой окрыленным, спеша как можно скорей начать строить новую жизнь. Но то тут, то там вспыхивали очаги контрреволюции, делали свое черное дело басмаческие банды, тайно подстрекаемые английской военно-дипломатической миссией. В противовес приходилось повсюду срочно создавать отряды Красной гвардии. В Самаркандской области эту работу возглавил А. И. Фролов.

Все сильнее разгоралась здесь гражданская война. Приходилось отражать то нападение белоказаков, то вылазки басмачей, то нейтрализовать происки тайных вооруженных эсерских дружин. В июньские дни 1918 года Фролов был назначен Чрезвычайным Комиссаром всей Закаспийской области. Ему было предписано немедленно выехать с вооруженным отрядом в Ашхабад для наведения порядка на всей территории Закаспия.

Прибыв 23 июня на место, Чрезвычайный комиссар А. Фролов прежде всего ввел в городе осадное положение. Он проводил по несколько митингов в день, разъясняя местным жителям ситуацию, организовал вооруженный конный отряд из рабочих-добровольцев. Много, очень много было им сделано за короткое время. Но неподалеку, в городке Кизыл-Арват, назревал контрреволюционный мятеж, там сложилось наипасное положение. В ночь на 12 июля Андрей Игнатьевич сам выехал туда с отрядом красногвардейцев.

Этим тут же воспользовались затаившиеся в ашхабадском подполье эсеры: были разгромлены городской Совет и ревком. Захва-

тив в свои руки линию связи с Кызыл-Арватом, контрреволюционеры связались там со своими сообщниками, велев им подготовить «достойную встречу» комиссару. И тут же следом за ним отправили свою дружину боевиков.

Из-за прервавшейся связи Фролов и не подозревал о восстании в Ашхабаде, о том, что враги идут по его следу, готовясь нанести предательский удар из-за угла. Отряд Чрезвычайного комиссара был застигнут врасплох, окружен со всех сторон.

Бой не на жизнь, а на смерть разгорелся возле здания Кызыл-Арватского Совета. Он продолжался более пяти часов. До десятка врагов приходилось на каждого красногвардейца. Фроловцы бились до последнего патрона. Комиссар руководил боем до тех пор, пока вражеская пуля не пробила его сердце...

«И мертвые мы будем жить в частице вашего великого счастья, ведь мы вложили в него всю нашу жизнь». — Эти слова не случайно стоят под портретом Андрея Игнатьевича Фролова, укрепленном на фасаде здания бывшего ревкома на улице его имени в Кызыл-Арвате. Комиссару революции и его героическим соратникам сооружен здесь величественный памятник. Увековечена память комиссара Фролова и на его родине, в Поречье. В селе Напольное его именем названа улица; на доме, где он родился, установлена мемориальная доска. Здесь открыт и школьный музей, где ребята бережно собирают все новые и новые экспонаты о своем знатном земляке; о его революционной деятельности; о маршрутах дружбы, которые многие годы

уже пролегают от предгорий Копет-Дага к левобережью Суры: от туркменского города Кизыл-Арват, где он погиб, к присурскому селу Напольное, где он родился и вырос; о ежегодных праздниках улиц, носящих его имя. Есть в музее материалы и о его братьях, два из которых погибли в боях за власть Советов в годы гражданской войны, а один — в Великую Отечественную.

Младший брат легендарного комиссара Фролова Иван — один из 580 жителей села Напольного, ушедших в годы Отечественной войны на фронт. Из них 353 человека не вернулись с поля боя. В том числе и Герой Советского Союза Григорий Арлашкин. Всего три месяца не дожидаясь Победы комбат, закаленный в боях офицер-орденоносец. Он геройски погиб далеко от Суры, в Восточной Пруссии... В это время где-то совсем рядом воевал и другой земляк, летчик-штурмовик Павел Панов, совершивший десятки боевых вылетов. Его самолет сбили в самый разгар боев за Берлин, и еще одна черная «похоронка» пришла в Присурье... А 22-летний командир взвода автоматчиков Николай Паршин лишь десять часов не дожидаясь долгожданной Победы, погибнув в бою на одной из улиц Берлина, где и сейчас покоится его прах в братской могиле. Золотую Звезду Героя он получил еще в 1944 году за героизм, проявленный при форсировании Днестра.

Чуть раньше за подвиг на Днепре одним Указом от 17 октября 1943 года звание Героя Советского Союза было присвоено сразу трем поречанам: политруку Ивану Яшину, артиллеристу Филиппу Ахаеву и танкисту Ни-

колаю Безрукову. «Ему вряд ли больше двадцати пяти лет. Но по боевому опыту он мог сравниться с закаленными ветеранами прошедших войн», — так писал в «Красной Звезде» о Безрукове после одного из боев писатель Борис Лавренев, восхищенный поразительной отвагой этого совсем еще молодого парня с Суры. — Двадцать девять танковых атак (больше чем по одной на год жизни), три ранения сделали его настоящим боевым офицером».

Гордятся земляки и другим храбрым воином из славной когорты героев, командиром «самоходки» Федором Артемьевым, прошедшим грозными дорогами войны от первого ее дня до последнего. Уже с Золотой Звездой на груди сражался он с фашистами в самом Берлине, именно там прогремели последние победные залпы его батареи. А самым первым из восьми Героев среди поречан стал бывший тракторист, пулеметчик Михаил Родионов. Уже посмертно. Его не стало в первую военную осень: в одном из боев на карельской земле, окруженный со всех сторон врагами, он взорвал себя гранатой...

Незадолго до гибели он прислал домой такое письмо: «Я очень люблю жизнь и потому иду в бой. Я иду в бой за жизнь... Я очень люблю жизнь, но смерти не испугаюсь. Жить как воин и умереть как воин — вот как я понимаю жизнь».

Здесь хочется вспомнить и строки его земляка, журналиста-фронтовика Николая Базанова, в первый же день войны добровольцем ушедшего на войну и тоже не вернувшегося домой с поля боя:

Мы умрем, быть может,
Но земли родимой
Никому на свете
Мы не отдадим.

Под этими словами мог бы подписаться, наверное, каждый из поречан-фронтовиков. И те, кому посчастливилось живыми вернуться домой. И те почти пять тысяч погибших, что занесены сейчас в Книгу вечной памяти Поречского района. И совсем еще молодые парни, погибшие в Афганистане, выполняя интернациональный долг. Помнят их поречане, свято берегут память о них. Она и в любовно ухоженных обелисках Славы, которые увидишь здесь в каждом селении, и в теплоте ставших здесь традиционными вечеров-чествований солдатских вдов, и в шелесте листвы многочисленных аллей памяти, и во все новых и новых вернисажах сельских картинных галерей боевой славы... Эта немеркнущая память — и на страницах книг, посвященных выходцам из Поречья, их жизненному подвигу, и на страницах их собственных мемуаров, с каждым годом пополняется заветная полка в районной библиотеке «Книги земляков и о земляках».

Весьма интересный обзор этих книг с автографами их авторов сделал однажды известный журналист Николай Стуриков в очерке «Широкие плесы». Вот что, например, рассказывает он здесь о человеке, чье имя знает вся страна. (Когда-то, в первые, самые трудные для молодой страны Советов дни безусым парнем ушел он в Красную Армию вместе со своим односельчанином Семеном Недвигиным. Разве мог он тогда предполо-

жить, что и его друг станет генерал-майором, и сам он тоже дослужится до генеральских погон?..).

«Из большого села Семеновское, по имени которого и дано неофициальное название здешнему степному краю, происходит известный военачальник, генерал-лейтенант Андрей Яковлевич Веденин. В годы Великой Отечественной он командовал стрелковым корпусом, а затем длительное время был комендантом Московского Кремля.

Мне довелось дважды брать у него интервью. Однажды в Кремле, когда Андрей Яковлевич охотно вызвался быть экскурсоводом для артистов Чувашского музыкального театра, которые приехали сюда с оперой Бориса Мокроусова «Чапай».

— Уж землякам-то я все здесь покажу и расскажу, — улыбнулся он...

Однажды мы встретились на колхозном току в селе Семеновском: генерал проводил отпуск в родном краю. А недавно я прочитал книгу воспоминаний Андрея Яковлевича «Годы и люди».

Эта книга о большом жизненном пути бывшего крестьянского паренька, хлебороба и плотника, ставшего красноармейцем, курсантом, красным командиром. Он сражается на фронтах гражданской, бьется с басмачами в Средней Азии. В мирное время стоит на страже завоеваний Октября. В Отечественную генерал вводит в сражения крупные соединения войск и, конечно же, в книге есть взволнованные страницы о первой многотрудной поре становления власти Советов в родных генералу местах».

О ПОРЕЦКОМ И ПОРЕЧАНАХ

Как живет Порецкое в наши дни? Какие сейчас главные профессии в старинном селе? Что за люди трудом своим пишут сегодня его историю? Познакомьтесь с некоторыми из них.

ИСТОРИЧЕСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Всего две записи в трудовой книжке Галины Николаевны Осокиной, кандидата педагогических наук, кавалера ордена Ленина. Первая сделана в военном 42-м году, когда во время эвакуации, заканчивая университет в Казани, одновременно работала там лаборанткой, а потом младшим научным сотрудником в Академии Наук. Но вскоре, послушавшись мудрого совета своего наставника, известного ученого, что и в сельской школе тоже нужны умные головы, уехала (было это в марте 1944 года) в родное свое село, где сама кончила десятилетку. Да так и осталась верна Порецкому навсегда.

Она — преподаватель химии. «Не найти науки лучше химии и счастливей юноши, чем я», — и поныне любит цитировать эти запомнившиеся ей еще в молодости стихотворные строки. Попробовала как-то подсчитать, сколько же учеников у нее было за все это время, так ничего и не получилось. Несколько поколений поречан учились у Галины Ни-

колаевны — и старожилы села, кто сегодня уже бабушки-дедушки, и их дети, и внуки. Почти полвека учительского стажа за плечами у нее, но и сейчас, давно уже выйдя на пенсию, продолжает вести уроки любимой своей химии: «Я просто боюсь представить себе, как это не пойти в школу».

Кандидатскую диссертацию Осокина защитила в 66-м году. А написанное позже ею, заслуженным учителем России и Чувашии, «Учебное пособие по изучению химии в десятом классе» стало настольной книгой для педагогов всей страны: выпущено оно на русском, украинском, молдавском, казахском языках.

Ее собственные питомцы из года в год были участниками, а зачастую и победителями российских, всесоюзных олимпиад по химии. Не для всех из них химия стала профессией, но каждый из ее учеников навсегда запомнил не раз повторяемые слова Галины Николаевны, что химия и экология неотделимы. Что химия — это всесильный джин, но его выпускают порой «из бутылки» лишь по незнанию и неумению, что в любом химическом выбросе и аварии вовсе не химия виновата, а люди, которые не умеют управлять ею. Может, и потому еще не устает она повторять, что химия и экология — не антагонисты, что сама очень любит природу. Природу Поречья, в которое до сих пор влюблена по-молодому.

Всю жизнь она в Порецком. Не уехала из этой сельской глубинки даже тогда, когда в первые послевоенные годы скудная учительская зарплата не превышала семидесяти рублей. Хотя каких только лестных предложений

ей не делали, куда только не приглашали работать. И недаром сейчас односельчане с гордостью и уважением называют ее «живой энциклопедией Порецкого», «исторической учительницей». Ведь буквально для каждого поречанина она — учитель. Учитель с большой буквы.

ФЕЛЬДШЕР ГУРЬЕВ СО «СКОРОЙ»

Профессия у него для мужчины довольно редкая в наши дни: Юрий Александрович — медбрат. Вернее, он фельдшер центральной районной больницы. Фельдшер-акушер. Фактически же настоящий универсал, как и многие сельские фельдшера. Приходилось когда-то даже довольно сложные операции самостоятельно делать, когда не было в нужную минуту рядом хирурга. И роды однажды прямо в дороге пришлось принимать. Он ведь долгие годы уже работает на «скорой помощи», и этим сказано все. Общий медицинский стаж — без малого четыре десятилетия.

Стал он первым медиком в своем потомственном хлеборобском роду. А медбратом его зовут с тех давних еще пор, как служил в этой самой должности в Тихоокеанском флоте. Вернувшись со службы, первым делом привез из Сибири в родное Порецкое жену, воспитанницу здешнего детдома. И, обеспечив себе таким образом надежные домашние «тылы», целиком ушел в работу. Повезло: был он на первых порах помощником и ассистентом у знаменитейшего на всю округу здешнего хирурга. Многому у него научился,

что и поныне очень помогает ему, фельдшеру «скорой», где никогда не предугадаешь, что ждет тебя в очередное дежурство. Зато сами поречане и жители окрестных селений твердо знают: если дежурит Юрий Александрович, можно быть спокойным, все будет в полном порядке. Многие старожилы так даже специально интересуются: «Кто сегодня на выезде? Юра Гурьев? Тогда пишите вызов». А спроси у них, почему именно ему особенно верят, многие, не сговариваясь, ответят: «Так ведь у него не просто диплом, а дар божий. А главное, людей он любит». Да, любит он людей, жалеет их, пропуская боль каждого через собственное сердце. И надо видеть, как по-детски радуется ему какая-нибудь совсем древняя, насквозь больная старушка: «Юрынька приехал...» И без всяких лекарств на глазах молодеет, начинает выздоравливать без лекарств...

В полной мере относится к нему известная поговорка, что у медика три главных оружия — нож, трава и слово. Гурьев не только знающий, компетентнейший специалист своего дела, но и психолог отменный. Он не только быстро и ловко, без боли сделает нужные уколы, даст таблетку, что как рукой снимает боль, но еще и так сможет успокоить человека, что тому сразу же полегчает. Медсестры, что с ним в одной выездной бригаде, иногда жалуются: «Юрий Александрович, вот выписала больному в точности то же самое, что и Вы, а он жалуется, что, мол, средство, которое назначили Вы, гораздо больше помогло».

Конечно, очень приятно такое доверие лю-

дей. Но это и обязывает, от этого куда сложнее жить, ведь именно ему нередко достаются самые трудные вызовы, самые длинные бессонные ночи. Потому что никогда и ни от чего не отлынивал, всегда берет на себя ношу потяжелше. Недаром, например, больше четверти века был и бессменным парторгом больницы. Впрочем, он уже просто и не представляет свою работу без такой, как он сам говорит, «суматошной канители днем и ночью», когда все время на колесах. Тем более, что сейчас несравнимо легче стало работать порецким медикам, чем было еще совсем недавно. Ведь он очень хорошо помнит время, когда ни света не было в больнице, даже в операционной, где порой приходилось делать операции при электрическом фонарике, ни машины «скорой», ни столько врачей, как сейчас. А какой отличный операционный блок оборудовали в районной больнице, какую просторную поликлинику построили, какая здесь современная диагностическая служба, как выручает сельчан из дальних деревень передвижная стоматологическая поликлиника на колесах...

Когда Юрий Александрович начал работать в больнице, там было всего три небольших избы-пятистенки, да два врачебных кабинета — терапевтический и хирургический.

В общем, никак не назовешь сейчас «глубинкой» его родное село, о котором знает он множество песен и часто поет их для души под аккомпанемент своего баяна. Очень любит природу Поречья, рыбалку, любит ходить по грибы. И просто не представляет свою жизнь без присурских лесов, где готов про-

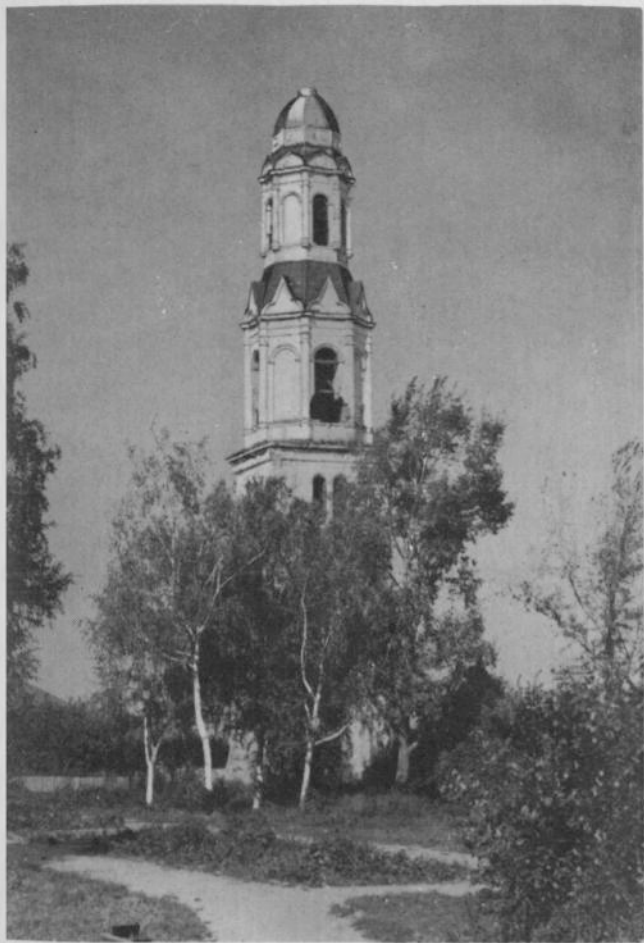
водить каждую свободную минуту, особенно после трудных дежурств на «скорой». Как рукой снимает после этого усталость, нарастающие с годами стрессовые перегрузки. У него, «медбрата», с почти 40-летним стажем, есть и свое профессиональное объяснение этой волшебной-целительной силе здешних лесов: потому так помогают каждому поречанину, что у них — неповторимый запах детства...

КОМБАЙНЕР КАЛЯЕВ

Каляевы — коренные поречане из крестьянского рода-племени. У Геннадия Николаевича Каляева, механизатора колхоза имени Ленина, центральная усадьба которого расположена в самом райцентре, и отец, и деды и прадеды, и старший брат были хлебопашцами — целая династия хлеборобов. Сам он уже не одно десятилетие комбайнер, уважаемый на селе человек, награжден орденом Трудового Красного Знамени, наставник молодежи. Когда первый «Дон» пришел в район, именно ему доверили сложную технику. Проводили в Порецком «праздник улицы», и на его доме появилась табличка «Почетный гражданин села». Очень уважают его односельчане за трудолюбие, добросовестность, скромность, деликатность, доброжелательность и уважительность к людям.

— Он безотказен в работе, — говорит председатель колхоза Г. С. Соловьев. — Коли надо, в любое время дня и ночи, в грязь и слякоть без слов выйдет на самый трудный

участок: общественный долг для него превыше всего. Надежный человек. И семьянин очень хороший. Все это в нем как-то очень тесно взаимосвязано. Это высоконравственный, высокой внутренней культуры человек, и, хотя по профессии он комбайнер, думаю, не ошибусь, если назову его интеллигентом, сельским интеллигентом в лучшем смысле этого слова. Он одинаково «на Вы» и к людям, и к хлебу, и к своему комбайну, который всегда у него в идеальном порядке, на ходу. В жатву делает все от него зависящее, чтоб ни колоска на его поле не пропало. Его «Дон», например, мы ставим на самые трудные хлеба. И уж никогда не надо его подгонять, он сам себе всегда найдет работу. И в жатву-90, самую, наверное, трудную за последние годы, он не уходил с нивы до часу-двух ночи. Другой раз проезжаю я мимо, за полночь возвращаясь домой, говорю ему: «Кончай, Геннадий Николаевич, никого ведь уже в поле не осталось, один ты, завтра день будет». А он в ответ: «Да тут немножко осталось сжать, а то завтра неизвестно еще, какая погода будет». Как-то молодые механизаторы признавались мне: «Мы каждый год ломаем голову, почему он дольше всех в поле пропадает, почему именно у него всегда самые высокие намолоты? Оказывается, мы до работы курим и в домино играем, а он ходит, ходит каждое утро молча вокруг своего комбайна, трет что-то тряпочкой. Дайка, думаем, и мы последуем его примеру. И начали тоже с утра пораньше протирать комбайн. Смотрим, тут болт поломан, там крыло помято, еще какую-то неполадку заметишь.

Колокольня Троицкого собора.
За многие километры
от Порецкого, притягивая глаз,
возвышается она над присурскими
холмами

Учебный корпус
Порецкой школы-интерната
им. И. Н. Ульянова.
Бывшее здание
учительской семинарии,
открытой в 1872 году
И. Н. Ульяновым

Участники революции 1905—1907 годов:

Сусленников Григорий Титыч
(в первом ряду 3-й слева).

Васильев Иван Артемьевич
(во втором ряду 2-й слева).

Лазарев Иннокентий Иванович
(во втором ряду 3-й слева).

Пялисов Василий Яковлевич
(в третьем ряду 2-й слева).

Титов Андрей Федорович
(в третьем ряду 3-й слева).

Баскаков Федор Николаевич
(в третьем ряду 4-й слева)

**АВРОВ
ДМИТРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**

Активный участник гражданской войны, комендант Петроградского укрепленного района, начальник штаба Совета внутренней обороны Петрограда. За оборону города награжден Орденом Красного Знамени. В 1920 г. — командующий войсками Петроградского военного округа, руководитель подавления Кронштадтского мятежа

**ПОДЗАХОДНИКОВ
ПЕТР ИВАНОВИЧ**

Родился в 1885 году в с. Порецком. С 1904 г. член РСДРП, работал в г. Баку слесарем Каспийского пароходства, в 1910—1911 гг. в Байкальском пароходстве. Иркутским комитетом большевиков вместе с 4-мя товарищами направлен на нелегальную партийную работу на ленские золотые прииски. Член центрально-забастовочного комитета, член центрального бюро по руководству забастовкой. В декабре 1917 г. избран председателем Порецкого волостного Совета. Под его руководством установлена Советская власть в Порецком

**БАСКАКОВ
ИВАН ФЕДОРОВИЧ**

Первый председатель
колхоза «Порецкий»,
основанного в 1929 году

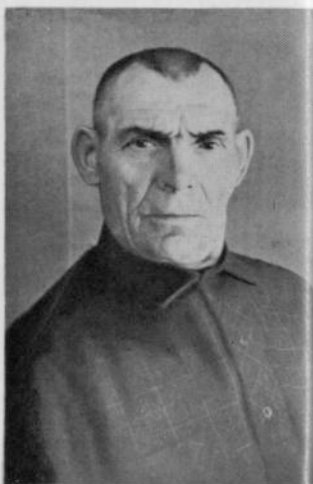
**РУКАВИШНИКОВ
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ**

Вступил в колхоз
в 1929 году.
Работал председателем,
полеводом, бригадиром,
заведующим складом

АРТАМОНОВ И. К.

Председатель
промколхоза «Передовик»,
в состав которого вошли
первые три колхоза,
а также мелкие кустарные
артели села — бондарная,
столярная, кузнечная и др.
1935 год

МАРКИН
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

Первый тракторист и
комбайнер колхоза. Более
40 лет проработал в
колхозе и МТС

Первые комсомольцы с Порещкого:

Бусыгин Н. И. (член ВЛКСМ с 1923 г.).
Баскакова Н. И. (член ВЛКСМ с 1922 г.).
Баскакова М. И. (член ВЛКСМ с 1924 г.)

**ЖЕЛЕЗИН
НИКОЛАЙ АКИМОВИЧ**

Работал в колхозе
с первых дней основания,
около 30 лет был
шорником

Бюро Порецкого райкома комсомола (1930 г.).
Первый ряд слева направо: Белогорлова Зоя,
Гузньева Клава, Краснова Катя.
Второй ряд: Сехов А. П., Лобзов Яков (секретарь
райкома), Полтев Николай, Минеева Лиза.
Третий ряд: Ефремов Михаил, Куртыгин Владимир.

НОВИКОВА ЕВДОКИЯ СТЕПАНОВНА
В апреле 1942 г. была мобилизована в ряды
Советской Армии. Участница боев под Ленинградом.
Погибла в 1944 г.

Встреча ветеранов комсомола.
Фото 1978 года

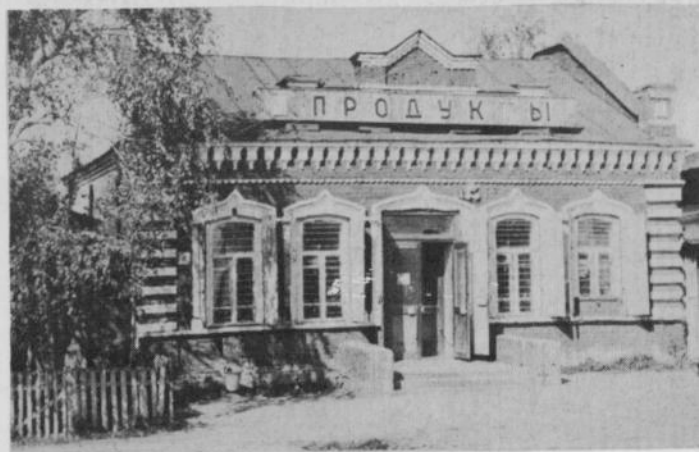

Состав хора
Состав хора
Состав хора
Состав хора
Состав хора

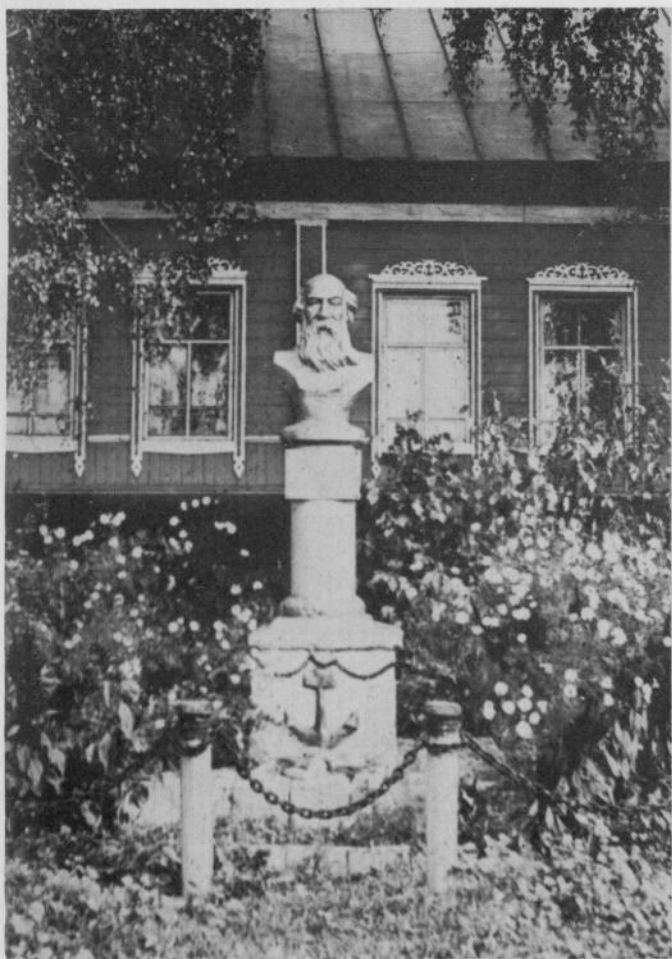
Юность давно позади...
Ветераны, убеленные сединой, отмеченные наградами, раскиданные волею судеб по большой стране, встретились на родной порецкой земле

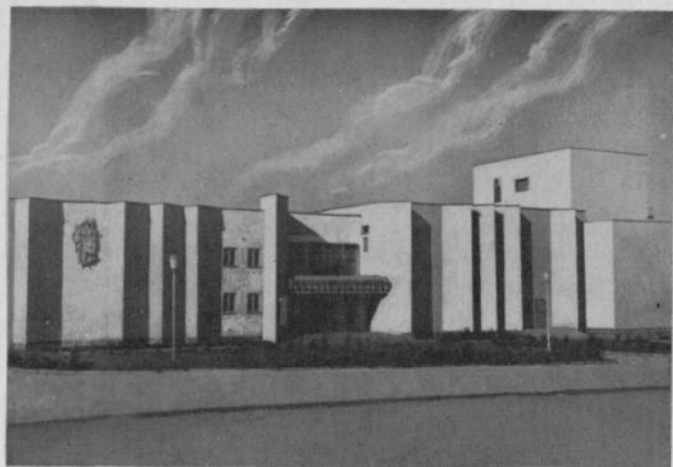

Раньше строили навека...

Поречане приложили немало сил, чтобы на селе была художественная галерея. Разместилась она в одной из немногих старинных построек...

Имя А. Н. Крылова —
судостроителя — известно всему миру.
Земляки-поречане создали
мемориальный музей

Архитектура разных времен.
Этот сохранившийся фронтон
несет на себе печать прежних
традиций

Современный районный
Дом культуры

Ветераном производства
называют агрохимика
Ю. Г. Ватрацкова

Римма Николаевна Мирясева
заведует молочнотоварной фермой
в колхозе имени Ленина

В производственном объединении «Мосрентген»
хорошо знают фрезеровщика
Б. А. Толкиса.
Свой богатый опыт
Борис Анатольевич передает молодым

Кирпичный завод

На многих сельских стройках
трудятся строители МСО «Порецкое».
Славится здесь бригада,
возглавляемая Н. П. Стековым

Виктор Павлович Сургин
много лет работает
в области электросети

Радуют сельчан вкусными изделиями
кондитеры хлебозавода
Наталья Лоскутова и Людмила Карпова

Второй год существует
на ремонтно-техническом предприятии
участок по выпуску товаров
народного потребления. Здесь слаженно
работает бригада Т. В. Бариновой

А. А. Малинина воспитывает детей
в школе-интернате.
Во все уголки нашей страны
разъехались ее ученики.
Часто получает Антонина Андреевна
письма от них

Семьдесят лет исполнилось Г. Н. Осокиной.
Но и по сей день преподает она в школе химию.
Кандидат педагогических наук.
Заслуженная учительница РСФСР и Чувашской ССР.
Награждена орденом Ленина

Лариса Сергеевна Мумаева
организовала в селе
первую конно-спортивную секцию.
С большим интересом
занимаются здесь дети
разных возрастов

Ветеран-связист
Николай Николаевич Стрельников
с внучками

А. Н. Ладнов —
мастер по пошиву головных уборов.
Этому ремеслу Александр Николаевич
научился от отца

Мастер производственного обучения СПТУ-13
Вера Алексеевна Сыромятникова

Много ветеранов трудится на швейной фабрике.
Среди них бригадир Р. В. Зюзина,
швей-мотористки З. Н. Филатова и Ф. А. Александрова

Сельчане хорошо знают закройщицу
Дома быта Г. П. Пахомову.
Галина Петровна посвятила
любимому занятию уже 33 года

Много лет работает
в универмаге старшим продавцом
Т. И. Маркина

А как исправишь ее, глядишь, весь день уже техника бесперебойно, как часы, работает. Вот тебе и молчун Каляев».

Все молчком да тишком, а любое дело делает куда лучше, чем иные бойкие говоруны. В общем, не словом, а делом красен. И вся родня такая же: отец всю жизнь в колхозе шофером проработал, братья тоже — настоящая сельская косточка. И очень он болеет за дела всего района, за доброе имя Порецкого.

ПЕКАРЬ, КОНДИТЕР И ДРУГИЕ

Хлеб — всему голова, так что очень важное место на карте рабочих коллективов Порецкого занимает местный хлебозавод: до тридцати видов самой разной вкусной продукции производит он, весь район кормит горячим, с пылу с жару румяным хлебом. Но, как считают многие, лучше всего удаются караваи, когда печет их Татьяна Дмитриевна Саженкова. Уже почти полтора десятка лет работает она здесь пекарем. Не сосчитать, сколько буханок хлеба прошло через ее руки. Много, очень много, миллионы, наверное, и сама не знает точно. Зато сразу называет главные «секреты» своей профессии: «Это добросовестное отношение к делу. И чтоб в каждую булку и кусочек своей души вложить, только тогда людям твой хлеб по вкусу придется».

Почему эту профессию выбрала? Еще с детства запомнился ей неповторимый вкус каравая, только что вытащенного из домаш-

ней печи матерью и бабушкой; испокон веков в крестьянских семьях женщины сами пекли хлеб. А теперь вот сельские хлебозаводы взяли на себя эти обременительные каждодневные хлопоты. Впрочем, когда Саженкова начинала работать, и оборудование было несовершенным, и ручного труда многовато, сейчас же кругом механизация, это тоже сказывается на качестве выпечки.

Сама Татьяна приезжая, мордовка по национальности. Но Порецкое стало для нее вторым домом, где и семья появилась, и друзья самые близкие. И на хлебозаводе с первых же дней работы стала своей, не нахвалится на нее начальник производства Валентина Анатольевна Филимонова, старожил предприятия. «Хлеб, как малый ребенок, — говорит она. — Не понянчишься с ним как следует, не жди, что толк будет. Со злой душой не испечешь добрый хлеб, старайся не старайся, ничего не получится. А вот у Татьяны он всегда воздушный, хорошо пропеченный, с поджаристой корочкой... Когда, например, к нам в Порецкое приезжают дорогие гости, кого мы встречаем хлебом-солью на вышитом рушнике, именно ей доверяем мы всегда печь узорный гостевой каравай».

На хлебозаводе работает человек семьдесят, коллектив в основном женский. А женщины — признанные кулинарки, и какой только вкуснятины не пекут здесь: печенье, кексы, пряники и даже такие редкие в наши дни ребячьи лакомства, как «фруктовый сахар», фигурные леденцы. Это фирменная продукция хлебозавода, своего рода визитная карточка кондитеров Порецкого. Столько ра-

дости доставляют малышам здешние яркие «петушки на палочке». В их изготовлении признанный мастер-кондитер Наталья Александровна Лоскутова. Каких только фантастических зверюшек из карамели не выходит из-под ее умелых рук: и зайчата, и медвежата, и рыбки. «В общем, — шутит она, — все зверье, что водится в наших порецких лесах».

ЗАВЕДУЮЩАЯ ФЕРМОЙ

Полторы тысячи голов скота на молочно-товарной ферме, которую возглавляет Римма Николаевна Мирясева — коренная поречанка, школу здесь кончала. И животноводов человек семьдесят под ее началом. Очень добросовестная, заботливая, уважительная женщина. По образованию зоотехник, работала одно время в колхозе экономистом — спокойная сидячая работа «от сель до сель». Так нет, выбрала себе куда более беспокойное, хлопотное дело и вот уже более десяти лет работает заведующей фермой. Потому-то так уважают ее люди, потому и дела на ферме ладятся, чем, конечно, весьма довольны прежде всего жители Порецкого: ведь именно отсюда поступает на их стол свежее молоко. Больше тысячи тонн молока и двухсот тонн мяса в год — вот сколько дает одна только ферма колхоза имени Ленина.

Ну, а то, что вставать изо дня в день приходится раньше других, вместе с остальными доярками, и ложиться позже многих, что ж, для нее это привычно: ведь, чай, из крестьянского роду. Да и характер не позволяет Рим-

ме Николаевне отсиживаться в конторе, искать себе более легкое дело. Может, и потому, что мать всю жизнь проработала на ферме, что отец ушел отсюда на фронт, и среди родственников тоже немало животноводов. В общем, не понаслышке знает, как нелегок хлеб животновода, где большинство — женщины-колхозницы, и всячески старается облегчить условия их труда.

Жизнь прожить — не поле перейти. В свое время судьба куда только не бросала ее: и в Мордовии жила, и в Коми работала. А все равно сильней магнита тянуло домой, в Порецкое; недаром ведь поговорка гласит: где родился, там и пригодился. Здесь каждая тропочка знакома, весь лес вдоль и поперек исхожен, и на красавицу Суру уже который десяток лет любитесь не налюбуетесь...

СЕМЕЙНАЯ ДИНАСТИЯ

Фамилия эта в Порецком знаменитая: целая семейная учительская династия в роду у Людмилы Александровны Ершовой: отец, сестра, дочери, муж старшей дочери, дядья, тетки, племянники, начни считать, пальцев на руках не хватит. И большинство, как и сама, в начальных классах преподавали. Вот лишь несколько строк из их биографий.

Барабин Александр Андреевич, окончил Порецкую учительскую семинарию в 1918 году. Долгие годы работал в сельских школах Алатырского и Порецкого районов, в самом Порецком. Погиб в начале войны под Ржевом.

Миронова Маргарита Александровна. Трид-

цать лет работает учителем в начальных классах.

Нестерова Вера Васильевна, десять лет педагогического стажа. После окончания Чувашского университета работает учителем начальных классов в Чебоксарах.

Ершова Светлана Васильевна, окончила факультет начальных классов Чувашского пединститута и уже восьмой год учительствует в Порецком.

Сама Людмила Александровна и краевед известный, и в депутатах не раз бывала, и просто как личность на редкость интересный человек. А уж в учениках у нее все Порецкое: и дети, и внуки ее первых учеников учились, ведь чуть ли ни полвека здесь учительствовала. Да и сейчас не порывает связи со школой, на все сборы, вечера ее зовут. К тому же у родной дочери — учительницы первая наставница, целыми днями пропадает в ее классе. Почему сама стала педагогом? Да в их семье всю жизнь все разговоры были только о школе, это был дружный, уважаемый всеми учительский дом. Двоюродная тетка отца, сельская учительница Прасковья Андреевна Барабина одной из первых в их районе получила орден Ленина. Сам отец преподавал когда-то в базовой школе местного педучилища.

У нее на редкость добрые морщинки у глаз, кажется, она и голос-то никогда не повысит. «Да нет, — смеется, — еще как умею, когда вижу несправедливость, когда кого-то незаслуженно обижают».

Очень любит Порецкое, его историю. Это у нее, по-видимому, еще от отца, десятилетия-

ми собиравшего каждую крупницу из истории их древнего села. И сама отменно знает родословную Поречья, по просьбе коллег не раз проводила интереснейшие открытые уроки по краеведению. Но спроси, за что именно любит Порецкое, даже затруднится сразу ответить. «За то, что родилась здесь и прожила всю жизнь, что здесь все родные и близкие, ученики». И так всегда, когда кто-то из чебоксарских знакомых начнет ее жалеть: как, мол, можно жить в такой «дыре»? Убеждена, что тут уж все от самого человека зависит, от его интеллекта, запросов и интересов, от круга его друзей. Ее родственники, кого судьба забросила далеко от родного дома, при любой возможности хоть на денек-другой, да приезжают в Поречье. А уж про старшую дочь, что учительствует в Чебоксарах, и говорить не приходится: так и рвется сюда. Ее муж — учитель тоже — «заболел» историей села. Как-то специально ездил в выходной по окрестным деревням, разыскивая для краеведческого музея лапти, старинную прялку, пахталку для сбивания масла...

Так что вовсе не случайно и для нее Порецкое — это самое дорогое, всем сердцем к нему приросла...

ПАХОМОВЫ С КИРПИЧНОГО

Очень интересная личность — Пахомов Иван Александрович, рабочий Порецкого кирпичного завода. Из тех людей, что не лезут настырно в глаза, а тихо, спокойно, с достоинством и на совесть делают свое дело изо

дня в день. Вроде и не видно, не слышно его в цехе, а попробуй представить себе это ведущее предприятие района без него — никак не получится. Потому что за него его дело говорит. Как появилась три десятилетия назад, когда впервые переступил заводскую проходную, запись в его трудовой книжке, так и осталась одной-единственной до сих пор. В общем, кадровый рабочий. Так что в каждую новостройку, что появилась за эти годы на карте Порецкого, вложен и его кирпичик. В самом буквальном смысле этого слова.

Но как же трудно доставался заводу этот кирпич на первых порах, когда чуть ли не каждый из них приходилось делать вручную, работая под открытым небом. Не то что сейчас, когда здесь полная механизация. И тут уж профессия Пахомова одна из ключевых: ведь он наладчик технологического оборудования, слесарь высшего разряда. Это именно благодаря ему из смены в смену бесперебойно, не зная простоев, работает конвейерная линия.

Точно так же не подводит производство и сменщик Ивана Александровича Николай Александрович — наладчик второй заводской технологической линии. Сразу чувствуется школа Пахомова, учившего его в свое время азам их сложного мастерства. И теперь как на себя самого могут они в работе положиться друг на друга. Впрочем, есть и еще один секрет их дружной, слаженной работы: ведь оба наладчика — братья. Сначала старший, Иван, проторил дорожку на завод, а потом и Николай пошел по его стопам. Закончил тот же техникум, выбрал ту же специальность,

стал таким же высококлассным мастером своего дела. И теперь оба одинаково болеют за заводскую марку, подстраховывают один другого, делают все от них зависящее, чтоб, как и сейчас, почаще завоевывало их предприятие классные места среди родственных предприятий Чувашии, чтоб больше кирпича выпускать для новостроек района.

А недавно Пахомовых на кирпичном заводе стало уже трое: пришел сюда шофером на МАЗ сын одного из братьев. Так что уже свои семейные рабочие династии рождаются в селе Порецком.

РАБОЧАЯ КОСТОЧКА

Борис Толкис — фрезеровщик на самом крупном промышленном предприятии Порецкого, филиале завода «Мосрентген». Заводу уже два десятка лет, столько же времени работает здесь и Толкис.

Еще от матери, сельской учительницы, с раннего детства учился трудолюбию, поразительной внутренней собранности и самодисциплине, целеустремленности, без которых не достичь бы ему сегодняшних своих высот в профессии. Сам семьянин отличный, своих детей теперь в том же ключе воспитывает. К работе относится на совесть, творчески, в своем деле настоящий мастер — золотые руки. Уважают его люди. Он и депутатом не раз был, а в селе это уже о многом говорит. На все у него собственное мнение, никогда не пойдет на чужом поводе. Молчун, не будет много говорить, но все, за что ни возьмется,

отлично делает. В общем, как в один голос говорят о нем многие — настоящий современный рабочий, рабочая косточка.

Начинал он на заводе с учеников, и за двадцать лет, прошедшие с тех пор, тесно слился с рабочим коллективом, стал плоть от плоти его. И тем ярче его собственная индивидуальность, его собственное «я». Вот, например, в цехе у него как нигде много завсегдатаев районной библиотеки, любителей чтения. Но такого книгочая, как он сам, еще поискать. Причем не детективчики почитывает, а политикой интересуется всерьез и экономикой, и философией, и краеведением. О Порецком, например, все, что есть, перечитал.

Фрезеровщик — профессия для села Порецкое новая, как и многие другие специальности, которые стали привычными с открытием филиала московского завода. Конечно, двадцать лет по сравнению с четырехвековой историей Порецкого — немного. Но, несмотря на молодость, предприятие, где работает сейчас более двухсот человек, играет здесь заметную роль. И не только в экономике, в социальном обновлении села, в его особом микроклимате: оно наложило свой яркий отпечаток на сам характер порецкий. Ведь здесь работает вся мужская «элита» древнего села, и молодежь, впервые переступая порог заводской проходной, тоже тянется за ними, перенимая у профессионалов не только секреты мастерства, но и те особые грани характера, которые всегда были присущи именно рабочему классу. В этом отношении Борис Толкис по большому счету — лицо завода, а значит, и самого Порецкого.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

Виктор Павлович Сургин — дежурный электрик Порецкого электросетевого района алатырских электросетей. Так что никак не назовешь его работу «сидячей»: то и дело приходится выезжать по вызовам, ликвидировать всевозможные аварии, почти все время, в любую погоду — на улице. А если учесть, что чаще всего аварийные ситуации на линии возникают именно в непогоду, то и вовсе не «кабинетная» у него должность. Но ему она по нраву. Недаром вот уже более четверти века, сразу после окончания профтехучилища, работает электриком. И не только каждую электроточку в самом Порецком, но и во всем районе как свои пять пальцев знает.

Когда начинал, электролинии в районе старенькие были, ветхие, то и дело выходили из строя. Да и маломощные совсем. Так что их, электриков, было тогда более полусотни. И что ни вызов — пешком по бездорожью, с лопатой да полной сумкой инструментов. Каждую мелочь приходилось делать вручную. Теперь же в районе — целых три базовых подстанции, где погоду делает автоматика да другая умная техника. Сплошь электрифицированы колхозы и совхозы. Электричество пришло не только в каждый порецкий дом, но и в самую отдаленную деревеньку района. Так что и к нему, сельскому электрику, сейчас совсем иные требования: и опыта надо побольше, и знания должны быть поглубже. Да, и автоматика свое диктует: работы-то прибавляется, а число людей сокращается, всего пятеро их на линии осталось.

Сам Виктор Павлович — мордвин по национальности, но считает себя коренным поречанином, любит старинное это российское село. «Когда сам с душой работаешь, с уважением ко всем относишься, то и тебя все уважают, с душой относятся, — резонно считает он. — Тем более, что без электроэнергии, без света в наше время и минуты не проживешь. А значит, и без электрика».

ПРОДАВЕЦ — ДОЛЖНОСТЬ ОТВЕТСТВЕННАЯ

У Тамары Ивановны Маркиной, продавца порецкого универмага, очень славная добрая улыбка. Это у нее и чисто человеческое свойство характера, и профессиональное: за многие годы работы в торговле убедилась она, что никак нельзя в их нелегком деле без улыбки, без доброжелательного отношения к людям. Недаром ведь народная поговорка гласит: кто улыбнется — тот уже зла не держит, а злой человек — он сам себя ест.

Профессия продавца одна из древнейших в старинном селе, знаменитом когда-то на всю Волгу своими богатыми ярмарками. И сейчас, конечно, не обойтись никому без магазинов, хоть и куда бедней стали нынче их прилавки. Уже больше тридцати пяти лет, сразу после окончания местной школы, работает Тамара Ивановна в райпо. Это только со стороны иногда кажется, что работать продавцом легче легкого. Но ведь сотни людей останавливаются ежедневно у ее прилавка, а у каждого свой характер, свое настроение,

свой гонор. Если на каждую раздраженную реплику, порой и несправедливую, отвечать тем же, так никаких нервов на это не хватит. И у нее стало правилом: в любом случае сдерживаться, гасить чужую раздражительность собственной доброжелательностью и приветливостью. Есть у Маркиной и другие подобные «секреты» работы, потому редко кто уйдет от нее без покупки. Начинала она когда-то в крохотном ларечке, работала в сельмаге, а сейчас вот в новом, недавно построенном в селе просторном современном универмаге. На ее глазах менялось, обновлялось село.

СВОЙ ПОЧЕРК У ШВЕИ

Валентина Косточкина — поречанка, родилась и выросла здесь. И всю жизнь, уже четвертое десятилетие — в службе быта. Мать у нее портниха, и сама начинала работать ученицей портного, много лет была швеей. И шьет она настолько «чисто», как в один голос говорят о ней клиенты, что ее работа стала своего рода визитной карточкой предприятия. Теперь заслуженно поднялась она, мастер первого класса, благодаря умелым своим рукам на высшую ступень портняжной «табели о рангах» — стала закройщицей, одной из лучших в Порецком. Недаром именно у нее, и только у нее годами шьют обновы многие местные модницы. Готовы даже в очереди в ателье постоять, но «только чтоб Валя шила».

Вкус у нее хороший, да еще неумемное трудолюбие, прилежность, «живинка» в деле.

Вот уж никогда не мерит она своих заказчиц одной меркой, каждой свой фасон подберет, каждую старается сделать красивой. Тем более, что все они ее добрые давние знакомые: с одной в школе за одной партой сидела, с другой в соседнем доме живет, с третьей — на одной улице. Ее знают не только городские жители райцентра, но и сельская его половина, ведь дед Валентины, участник революции 1905 года, был когда-то здесь первым председателем.

И еще одни постоянные клиенты есть у мастерицы — самодеятельные артисты. Сколько нарядных костюмов сшила ее бригада для участников фольклорных коллективов, танцевальных ансамблей, для хористов!.. Все самые сложные заказы проходят через ее руки. А уж как свадьба в Порецком — тоже только к ней идут невесты. Когда-то среди длинного перечня старинных порецких профессий одной из самых почитаемых и распространенных была профессия модистки. В нашем современном лексиконе давно уже нет этого слова, но именно так нередко зовут между собой Косточкину ее земляки. Ведь любую работу ее хоть в музей помещай. Сделает снизу строчечку — как подпись свою поставила, сразу определишь ее по «почерку».

...«Очень красивые в Порецком женщины», — частенько говорят приезжие. Во многом это и благодаря ей, швее Валентине Косточкиной.

ШАПОЧНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Редкая в наши дни, одна из самых древнейших в Порецком, профессия у Николая Алексеевича Пшеничникова и Александра Николаевича Ладнова: они — мастера головных уборов, или, как зовут их односельчане, шапочники. А для них самих — наследственная. Ремеслом своим, которые переняли еще от дедов-прадедов, занимаются они уже полвека. Так что многие поречане сносили не по одной сшитой их умелыми руками шапке. Носили, снашивали и снова приходили заказ делать. Как в каждом древнем народном ремесле есть и у них свои секреты в работе. Недаром со всей Чувашии едут к ним заказчики, ведь они настоящие универсалы в своем деле, из любого материала могут сшить головной убор на загляденье: из кожи и меха, из сукна и вельвета...

— На то мы и шапочники, — говорят с достоинством. — Не то что сейчас иные мастера из комбинатов бытового обслуживания, которые только и знают, что «это не делаем, того не шьем». Если уж к нам пришли с заказом, все должны сшить, хоть летние шапки, хоть зимние. И чтоб были они человеку к лицу. А для этого я должен и рост его учесть, и лицо его лично должен увидеть. Потому что одна и та же шапка одного красивым сделает, другого изуродует. Потому-то каждому я должен по-разному шапку сшить, чтоб у меня не мастерская была, а своеобразный институт красоты. Чтоб не только шапка на человеке «смотрелась», но и сам человек «под шапкой смотрелся»... Чтоб каждый встречный потом

ему завидовал, спрашивал: «Где сшил?» Тут уж у мастера и вкус должен быть, и творчество в работе — настоящее художество.

По двадцать восемь лет, день в день, проработали они бок о бок в здешнем комбинате бытового обслуживания, а до этого — в артели, созданной в Порецком еще в далекие 30-е годы. Но как наяву помнят ветераны самые первые свои головные уборы, сшитые в артели. Материала-то подходящего не было на первых порах, так дали им большущий сундук, набитый ризами. Поломав немало голову, какое же применение им найти, начали мастерить фески. И таким успехом пользовались эти экзотические для Присурья тубетейки, что все местные модники их носили тогда. С тех пор для мастеров стало неписанным законом не просто следовать в своей работе моде, но и уметь заглядывать вперед, предвидеть ее, а в чем-то и диктовать. И хоть давно уже на пенсии Пшеничников и Ладнов, и работают дома, по патенту, но и поныне в ногу с модой. Когда, например, в канун 400-летия Порецкого среди московских женщин стали весьма популярны кубанки, тут же начали щеголять в них и поречанки.

Николай Алексеевич — инвалид войны, бывший артиллерист. Дошел до самого Берлина, там же за несколько дней до победы и ранен был. Правда, так уж сложилось, награды свои боевые за взятие Берлина да Варшавы получил год назад. Александру Николаевичу тоже довелось воевать. В общем, жизнь покрутила и того, и другого, немало горя знали. Но и золотые руки, и трудолюбие при них остались, на всю жизнь сохранили они

верность своей профессии. Только об одном жалеют, что забываются старинные промыслы, какими когда-то славилось их древнее село, что шапочного ремесла чурается молодежь. И даже их собственные дети, внуки не идут в ученики к ним. Прерывается связь поколений в их «наследственной» семейной профессии. А значит, и завтрашняя история Порецкого станет чем-то беднее...

ИЗ ДРЕВНЕГО РОДА СТРЕЛЬНИКОВЫХ

Что было бы с Порецким, если бы не было сегодня службы связи? Когда этот вопрос задали ветерану-связисту Николаю Николаевичу Стрельникову, он, не задумываясь, ответил: «Ну, как жить, если ни письма тебе вовремя не принесут, ни газеты, ни долгожданной посылки? Если бы вдруг перестали действовать радио, телеграф, телефон, темное было бы дело».

Сам он отдал работе в Порецкой службе связи без малого полвека. На его глазах произошло множество перемен. Когда еще в 38-м году пришел сюда учеником, был тогда радиоузел самодельным, маломощным, всего навсего на сто радиоточек. Таких маломощных телефонных коммутаторов во всем районе было раз-два и обчелся. Будь такое положение со связью в Порецком сегодня, справедливо считали бы себя поречане и слепыми, и глухими, и немymi. Потому-то так гордится Стрельников своей профессией, одной из самых уважаемых, престижных на селе.

Немало уже лет ветерану, но и по сей день

сохранил он в своем характере общественную жилку: болеет за дела своего коллектива, живо интересуется всеми сельскими новостями, активно участвует во всех местных мероприятиях и вечерах, особенно краеведческих, потому что и сам человек не равнодушный, и в других людях больше всего это ценит. Несмотря на почтенный возраст, — такой же как когда-то в юности, боевой, задиристый, неугомонный, жадный до работы, и минуты не посидит без дела.

По-молодому влюблен он и в Порецкое: в красоту его природы, в живописность мест, где расположено село, в безбрежные сурские дали и бездонную голубизну озер, в величавость здешних лесов, бескрайность лугов и полей. «Много где пришлось побывать, но красивее родных мест так и не довелось повидать за мой долгий век», — признается он, поречанин из древнего, насчитывающего четыре столетия рода Стрельниковых, корни генеалогического дерева которых уходят в глубь веков, еще к легендарным «лобачам» — первооснователям Порецкого.

СПАСИБО, МАМА!

Антонину Андреевну Малинину в Порецкой школе-интернате зовут мамой. Не второй матерью, как называют иногда воспитателей детских учреждений, а именно мамой: ведь настоящая-то мать-кукушка родила ребенка и бросила, обрекла на сиротскую долю, а Антонина Андреевна всю себя отдает, чтобы отогреть его заледеневшую душу, чтобы выра-

тить и воспитать. Все через собственное сердце пропускает, седая, как лунь, волосы белые. Ведь если в обычной школе дети пришли и ушли домой, к родителям, то в интернате им некуда идти, здесь их дом. Антонина Андреевна очень понимает это, ее воспитанники для нее роднее родных детей, очень она их жалеет.

Давным-давно уже она учительствует, скоро пятый десяток пойдет. А здесь — более тридцати лет: как вскоре после окончания Порецкого педучилища пришла сюда, так и по сей день осталась. Сколько детей, питомцев интерната, теперь у нее по всему белу свету: пишут, звонят, приезжают за советом и помощью в любой трудной ситуации. На всех хватает у нее и времени, и души. Хотя у воспитателя интерната нет привычного для нас распорядка дня, когда занят лишь от звонка до звонка, каждую секундочку от подъема до отбоя она на работе. А домой придет — опять сердце болит: как они там без меня?

Однажды только села ужинать, сообщают ей, что одной из самых «трудных» ее воспитанниц нет на месте. Так тут же, ночью, отправилась в розыск, по всему Порецкому ходила, пока, наконец, не отыскала девочку, легкомысленно решившую, не предупредив никого, заночевать у подружки-одноклассницы.

Несколько лет спустя получила от нее, взрослой, обзаведшейся уже собственной семьей, письмо: «Антонина Андреевна, когда мне бывает трудно, вспоминаю, что Вы нам не раз говорили, чему учили, и добрее становлюсь к людям, сама стараюсь помогать им».

Уже который год шлет ей письма и телеграммы и другой питомец, моряк дальнего плавания, слышший когда-то в интернате одним из самых «неподдающихся» воспитанию. И к нему удалось-таки подобрать ей свой ключик. Стал первым во всем помощником, не отходил потом от нее. Сейчас, это уже вошло у него в традицию, с каждого нового моря-океана, куда заплывает его корабль, непременно посылает в Порецкое сыновьи весточки.

Так что не пропадают, прорастают зернышки добра, что заронила она в ребячьи души.

БРАТЯ ГЛУХОВЫ

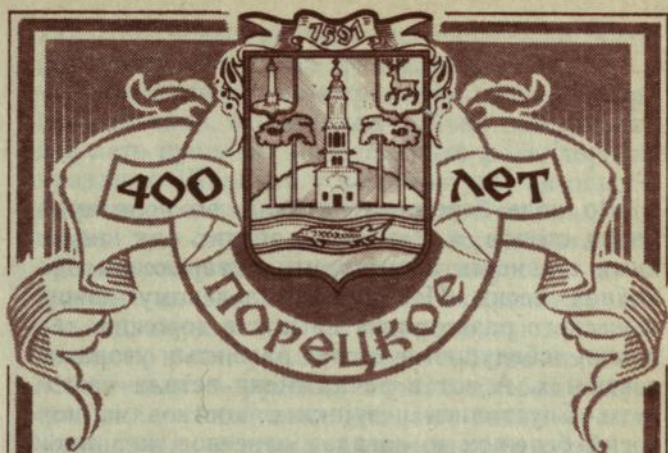
Все три брата Глуховы — тренеры. Такую не совсем обычную семейную профессию выбрали с легкой руки старшего, Анатолия, и оба брата-погодки, вслед за ним кончили тот же институт. А сам он поступил на факультет физвоспитания «с подачи» школьного учителя, кумира сельских мальчишек. Немалое влияние на его выбор оказала и местная природа: сколько помнит себя, очень любил кататься на лыжах, купаться в Суре, вместе с другими пацанами целыми днями гонял в футбол на улице. Сейчас Анатолий Глухов — председатель спорткомитета района, главный здесь «законодатель мод» во всем, что связано с развитием физкультуры и спорта среди поречан. Младший, Володя, — директор юношеской спортшколы. Валерий преподает в школе-интернате.

«Дарящие здоровье и красоту», — так иног-

да называют Глуховых в Порецком. И вправду. Вот приходят, например, на первые занятия в спортзал интернатские ребята — слабые, хилые, больные, самое простенькое упражнение им не под силу. А через три-четыре года просто не узнать их: совсем другая осанка, походка, да и характер на глазах меняется к лучшему, строже, требовательней к себе относятся. «Смотришь на них — и у самого душа радуется», — говорит Анатолий. Да и не только школьники в Порецком так увлечены теперь спортом, но и многие взрослые «держат себя в форме», тут уж и пользующиеся большой популярностью группы здоровья дают свою отдачу. И все громче заявляют о себе поречане не только на районных, но и на всевозможных республиканских соревнованиях и спартакиадах.

В общем, «семейная профессия» братьев-единомышленников идет лишь на пользу дела. Если, скажем, раньше один был сильнее в плавании, другой — в легкой атлетике, третий — в волейболе, то сейчас, благодаря помощи друг друга, стали они настоящими универсалами во всех видах спорта. Работая «в единой упряжке», и материальную базу его смогли за короткое время заметно улучшить. Сейчас в Порецком стало больше хороших спортивных залов, неплохая спортивная школа, оторвавшая от «улицы» десятки порецких мальчишек, своя конно-спортивная секция появилась. Да и соревнований много проводится, которые всегда собирают множество участников и зрителей. Мечтают, чтобы скорей появились в Порецком новые спортивно-оздоровительные комплексы и стадионы.

Глуховы — не коренные поречане, родились в одной из ближних деревень. Но весьма прижились здесь «ко двору» своей неугомонностью, трудолюбием, поистине фанатичным отношением к делу, общительностью, простотой и открытостью. И им самим Поречское очень и очень по душе. Ведь таким красавцам-богатырям, признанным специалистами своего дела, в любом городе будет зеленая улица. Честно говоря, когда в свое время возвращались сюда после института, считали, что это лишь на время, мол, пока молодые, пока есть силы, поможем возрождению села. Ехали на время, а остались навсегда. Куда больше, чем город, тянет их Сура, присурские леса, здешняя живописная природа, сам народ местный. Недаром именно здесь обзавелись они семьями, пустили прочные корни.

ПЕСНЯ НАД СУРОЙ

«Во поле березонька стояла, во поле кудрявая стояла...» Раздольно звучит над широкими степными просторами нестареющая народная песня. По мягкому зеленому ковру июньского разнотравья плывут в хороводе девушки-лебедушки в богато расшитых узорами костюмах. А вот и речка Меня встала на их пути. Спустились девушки с мостков на пологий бережок и, загадав заветное желание, одна за другой начали бросать в воду венки, сплетенные из полевых цветов: «Пльви, мой веночек, не заблудись, и суженого-ряженого мне отыщи...» И опять причудливым ручейком заструился по лугу—по лужку девичий хоровод, до самой деревенской околицы растянулся, вовлекая по пути все больше народу.

И вот уже все вместе плетут они новый, один на всех венок из старинных мелодий: гостевых и величальных, хороводных, трудовых, обрядовых..., звучащих то на русском, то на мордовском, то на чувашском языках. Встанет на пути новое село—новые песни, новые фольклорные сокровища. А то вдруг бросит кто-то прямо в толпу, будто пригоршню звонких монет, россыпь местных зубастых припевок или озорных «доморощенных» частушек, таких развеселых, задорных, что ноги сами в пляс идут. И все больше танцоров, раззадорясь, выходят в круг. Так что не разберешь уже, кто здесь артист, а кто зритель. Да и ка-

кая, собственно, разница: все они — участники районного праздника фольклора.

Возрождая древние традиции певчих засурских селений, в Порецком районе теперь каждое лето проводят многолюдный фольклорный праздник. Широкая у него поступь, ни одного населенного пункта по пути к Крылово, где прямо под открытым небом оборудована импровизированная сцена, не пропустит, и у каждого из них своя «роль»: возле Бахмутова, например, как в старину, веночки пускают плыть по реке, у Анастасова собственноручно испеченным в русских печках хлебом-солью потчуют, в Антипинке угощают сочными поджаристыми ломтями «фирменного» слоеного пирога—«курника» с пылу с жару да парным молоком, у Семеновского привечают колокольным звоном, виртуозной игрой местных гармонистов. Ну, а в самом Крылове радушно встречают дорогих гостей коробейники из выросших здесь как по волшебству за одну только ночь торговых рядов, приглашают их в ожидании представления покататься на вихрем крутящейся карусели, укрытой пестрым шатром.

Но главной хозяйкой на этом празднике всего Поречья становится песня, пришедшая из далекого далека, из глубины веков, недаром ведь он так и называется «Родные напевы». Чуть ли ни каждое здешнее присурское селение выставляет сюда свою «команду», свой лучший фольклорный коллектив. И идет между ними негласное жаркое, азартное состязание. Только диву даешься. Казалось бы, уже целиком «выложились» самодеятельные артисты, ведь столько песен спели, огненных

плясок сплясали на пути в Крылово, благодаря жителей окрестных деревень за гостеприимство. Но поистине неиссякаем родник народного творчества, богата музыкальная коллекция энтузиастов народной песни, и все новые и новые, зачастую совсем еще неизвестные мелодии щедро дарят они зрителям. Нелегко тем приходится: ну, как определишь на этом параде талантов, какой этнографический коллектив «самый-самый»... из Напольного или Мишукова, Антипинки или Анастасова, Кудеихи или Семеновского, или из самого Порецкого? И зрительское жюри решает мудро и по-справедливости: всех своих земляков, самодеятельных артистов района, провожают одинаково благодарными, долго не смолкающими аплодисментами.

Так же вот, не стихая, гремели овации и буквально яблоку негде было упасть в просторном, самом большом в районе зрительном зале Порецкого районного Дома культуры, когда проходило здесь другое празднество: вечер дружбы с соседним Ардатовским районом, венчающий День мордовской культуры в Поречье.

«Добрососедская дружба и братство дороже всякого богатства, нет ближе родственника, чем хороший сосед» — гласит народная пословица. У поречан с ардатовцами давняя дружба, издревле живут в соседях, соревнуются колхоз с колхозом. Вот и решили они каждый год, в негорячее зимнее время всем миром навещать старых друзей, чтоб обзавестись новыми, обсудить самые насущные свои проблемы, обменяться опытом. В общем, как говорится, и людей посмотреть, и себя

показать. А в поездки брать с собой лучшие этнографические коллективы, пусть блеснут талантами на совместных концертах художественной самодеятельности. Загодя готовятся соседи к таким праздничным встречам: мастераят всевозможные поделки, сувениры, обмениваются библиотечками национальных книг. Ведь в Порецком районе живут русские, мордва, чуваша, такую же разноязыкую речь изо дня в день услышишь и в Ардатовском районе.

Целые поезда дружбы человек по 300—400 по очереди отправляются теперь друг к другу с пирогами и песнями. В один из последних своих приездов в Порецкое гости-ардатовцы не только спели гостеприимным хозяевам любимые свои мордовские народные мелодии, но и подарили местному хору села Напольное их ноты. А вскоре в Порецком состоялась новая премьера этих песен, уже в другом исполнении, когда Напольновский сельский хор впервые выступал перед земляками в амплуа народного.

Вот уже больше двух десятилетий кряду ни одно торжество в районе не обходится без выступлений этого самобытного самодеятельного коллектива, где любовь к песне объединила людей самых разных профессий: механизатора и животновода, учителя и агронома, библиотекаря и медсестру. В его богатой музыкальной коллекции — фольклор многих народов нашей страны. Но мордовские мелодии звучат особенно часто, ведь в Напольном, самом ближнем соседе Порецкого, издавна живет много мордвы, и не случайно именно в этом селении создается республиканский центр

мордовской культуры, куда наряду с сельским клубом, школой с ее интересным краеведческим музеем, детским садом, где создан свой детский фольклорный ансамбль и другими очагами культуры, вошел на равных и народный хор, которым с самых первых репетиций бессменно руководит большой энтузиаст песни, директор Порецкой музыкальной школы Маргарита Константиновна Полтева. Сама она русская по национальности, но отлично знает мордовский язык и стала одним из самых неутомимых пропагандистов братской национальной культуры.

Немало способствовал этому и П. П. Седойкин, мордвин по национальности, заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный строитель Чувашской ССР. Очень наглядно слились воедино в его судьбе самые разные грани жизни многонационального Порецкого. У Петра Павловича, например, богатейшая личная библиотека по истории русской и мордовской культуры. Есть в ней и уникальные издания, и книги поэта-земляка А. Куторкина и других современных писателей на родном ему с детства языке, и периодика (несколько мордовских газет и журналов выписывает он). Каждый раз непременно привозит книжные новинки из Саранска и дочь-студентка, будущий строитель. Профессия эта стала семейной в роду Седойкиных, все три брата посвятили ей жизнь. Один из них, Владимир Павлович, возглавляющий крупное строительное подразделение, возводит по всему району новые школы, клубы, детские сады, жилье. А старший, Петр Павлович, начальник другого здешнего стройуправления, уже

четверть века ведет социальное обновление самого Порецкого, став главным «законодателем мод» в формировании сегодняшнего «я» древнего присурского села. Построены здесь в последнее время и многоэтажные каменные дома, и детсад, и современный универмаг. Старались при этом, чтобы у каждой новостройки было свое лицо, своя «изюминка» в отделке фасадов. Возведен и новый Дом культуры, по праву ставший украшением и достопримечательностью Порецкого.

Наконец-то, наконец,
Нам построили дворец.
Зал—четыре сотни мест,
Несомненно — шик и
блеск!

Комнаты для пианистов,
Гитаристов, баянистов,
Три фойе и два буфета,
Метров восемьсот
паркета!

Зимний сад, подсобки,
склады,

Зал поменьше —
для докладов,

Лекций, секций,
конференций,

Делегаций, аудиенций!
А заходите в танцкласс —

И приходите в экстаз:

Вот уж поучиться где

Всяким разным па-де-де!

Такой полушутливый «портрет с натуры» своего районного Дома культуры создала по-

лучившая здесь «прописку» агитбригада «Колос», лауреат республиканского фестиваля народного творчества.

И правда, трудно даже представить себе сейчас Порецкое без этого современного дворца, ставшего поистине главным очагом культуры не только для самого шеститысячного селения, но и всех окрестных деревень. В праздники и в будни тянется сюда народ, здесь нашли себе пристанище все музы, а занятие по душе — и стар, и млад.

Порецкое — настоящая сельская глубинка Чувашии, не очень-то радуют его своими гастролями столичные артисты. Но здесь, в РДК, и не привыкли, чтобы кто-то «со стороны» развлекал народ. Взять, к примеру, клуб по интересам «Родник», созданный по инициативе А. Г. Соловьевой, неутомимой выдумщицы и души его, и хор ветеранов войны и труда: хоть и солидный возраст у них, но каждый и спеть, и сплясать горазд. Ведь собрались здесь люди увлеченные, неистощимые на фантазию и поиск нового, оригинального, так что ни одно заседание в клубе не похоже на другое. Это либо семейные встречи за самоваром, либо фольклорные представления, либо выставки работ народных умельцев и конкурсы на самый вкусный пирог, и, конечно же, еженедельные репетиции хора, одного из лучших в районе.

Как-то под Новый год решили устроить здесь, как водилось прежде, посиделки. Разослали красочно оформленные приглашения: «Приглашаем чайку откусать, гармонь послушать, вместе с нами поплясать и загадки отгадать». Немало приятных сюрпризов ожи-

дало в тот вечер гостей праздника. Гвоздем же программы стало импровизированное фольклорное игрище с шутками-прибаутками да потешками, с обрядовыми народными песнями. И непременно, конечно, гадали. Особый колорит вечеру придавали народные костюмы, извлеченные по такому праздничному поводу из бабушкиных сундуков.

Много поклонников среди поречан и у местного народного театра. Уже больше двух десятилетий этому драматическому коллективу, на афише которого пьесы А. Островского и А. Чехова, В. Розова и А. Арбузова, драмы, комедии, водевили многих русских и зарубежных авторов, советских драматургов. Наряду со взрослыми на сцену выходят и самые юные представители из детской студии при народном театре.

Вообще, потому-то, наверное, и славится Поречкий район своими самодеятельными талантами, так много здесь самобытных фольклорных коллективов, семейных фольклорных ансамблей, что поречане очень бережно хранят истоки национальной культуры, ее этнографические корни, с детства прививают интерес и к наследию предков, и к современному искусству. Например, в Поречкой музыкальной школе и ее филиалах занимается сейчас около двухсот одаренных ребятшек. Работает здесь и хоровое отделение, открыт университет музыкальной культуры, создана агиткультбригада из преподавателей школы, которыми в большинстве своем являются ее же выпускники. Большой популярностью у поречан пользуется и открывшаяся здесь «Музыкальная гостиная».

В Порецком очень много и заядлых книго-чеев. Это идет и от традиций первых послереволюционных изб-читален, и от подвижнической работы сегодняшних библиотекарей. Не случайно то одна, то другая здешние сельские библиотеки завоевывают, а потом из года в год подтверждают звание «Библиотека отличной работы республики». Пример им всем показывает Порецкая центральная библиотека. Ее книжные фонды начали формироваться в первые послереволюционные годы. В декабре 1918-го председатель Порецкой ВЧК П. И. Подзаходников поручает большому книголюбу М. М. Осокину «...организовать общественную библиотеку-читальню в доме Игумнова по Советской улице». Основу ее составила богатая личная библиотека самого Осокина, книг, собранных им в местных учреждениях, набралось около полутора тысяч экземпляров. Так родилась первая в истории Поречья общественная библиотека, в которой было поначалу всего 62 читателя. Мало кто в ту пору знал грамоту. И хотя библиотекарями в первое время работали энтузиасты-общественники, всегда многолюдно бывало здесь, охотно приходили «на огонек» местные жители послушать грамотных своих односельчан, обменяться новостями, узнать, что в мире делается. Ведь был этот островок культуры и избой-читальней, и лекторием, и местным театром. Изо дня в день, без выходных тянулся сюда народ. На протяжении сорока лет радость общения с книгой дарила людям Евгения Александровна Вялова.

Традиции эти живы и поныне. Сегодня их продолжает директор централизованной биб-

лиотечной системы района Альбина Григорьевна Соловьева, уже более трех десятков лет работающая с книгой. В добровольных помощниках у нее все ее читатели, весь цвет порецкой интеллигенции. Это с их помощью несколько лет назад родился первый в селе клуб общения, от которого скоро «отпочковался» клуб любителей природы родного края. Его члены составили богатейший гербарий местных растений, в том числе включенных в «Красную книгу». Провели они немало интересных вечеров, ставших настоящим событием в культурной жизни села, в том числе «Природа в творчестве поэтов-поречан», «Цветы — целители болезней», организовали несколько тематических книжных выставок о лекарственных растениях. В общем, сообща исследовали, казалось бы, все «белые пятна» по истории родного края. И настолько сдружились здесь люди, столько общих интересов у них появилось, что уже просто не могли друг без друга, без теплых библиотечных встреч.

Сейчас в фондах Порецкой библиотеки — десятки тысяч книг. Особое, почетное место занимают здесь произведения земляков-поречан. Многими славными именами, известными в литературе, гордится старинное присурское село. О них и пойдет далее речь.

**„ВЫ ДЕВУШКА
ДАРОВИТАЯ...”**

Документальный рассказ
о судьбе и творчестве
двух поречанок —
Веры ЖАКОВОЙ
и **Александры ДУГАЕВОЙ**

ВЕРА ЖАКОВА

(1914—1937)

Имя этой девушки стало известно благодаря Максиму Горькому. В течение восьми лет, вплоть до последних дней писателя, шла их переписка, было немало и личных встреч. Вера Жакова по праву называла себя «ученицей Горького». А однажды написала: «Горький был моим вторым отцом».

Впрочем, судите сами.

...Ей едва исполнилось четырнадцать, как на другое же утро после своего дня рождения тайком от родителей направила она в далекое Сорренто длиннущее письмо своему любимому писателю: «Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович, не сердитесь, что я решила Вас побеспокоить, но мне, право, не к кому больше обратиться. Будьте моим первым учителем и не откажите помочь мне... В июле появились мои первые стихи..., они лились без удержу, я перекладывала на них музыкальные произведения... Ребята прозвали

меня поэтом... Но в последнее время мне кажется, что мои стихи никуда не годны, что они плохие, и я хочу бросить писать. Алексей Максимович, если Вам не трудно и если у Вас есть время, напишите мне, стоит ли писать и выйдет ли что-нибудь из меня? Я теперь даже в книгах не нахожу утешения, а читать я люблю ужасно и читала много... Историю я знаю, особенно русскую, хорошо, потому что стыдно жить в стране, не зная ее истории. Родину я люблю всем существом, для ее счастья я готова пожертвовать жизнью...

Стихотворений у меня больше пятидесяти, и некоторые я прилагаю к этому письму. Из ваших произведений мне очень нравятся «Детство», «В людях», «Песнь о Соколе». Бедный, мне Вас очень жаль, меня никогда так не бьют, но зато читают длиннейшие нотации... Я с удовольствием вспоминаю детство, которое провела в деревне среди крестьян..., где мама была учительницей. Теперь она тоже учительствует в той школе, где учусь я... Кроме школы, я учусь музыке, французскому и английскому языкам, а скоро примусь и за немецкий...

Ваш портрет стоит у меня на столе среди любимых писателей. Жду с нетерпением Вашего ответа».

Письмо это, написанное искренне, с детской непосредственностью, тронуло А. М. Горького, угадавшего в незнакомой девочке незаурядность, большой интеллект, искорки литературного дара. И через два с лишним месяца почта принесла Вере долгожданный ответ...

Из писем А. М. Горького Вере Жаковой
23 октября 1928, Сорренто.

Судя по Вашему письму, Вы человек хороший, умный, значит, Вы не огорчитесь, если я скажу Вам правду, которая всегда более или менее горьковата, такова уж ее природа.

Что Вы умница, об этом говорит Ваша оценка Ваших же стихов. Вы пишете: «...Мне кажется, что стихи мои никуда не годны, они плохие, и я хочу бросить писать». Это верно, стихи очень плохие, но Вы должны знать, что в 14 лет от роду и Лермонтов, и многие другие прекрасные поэты писали тоже скверные стихи.

Нет, Вы не бросайте писать, но учитесь писать хорошие стихи, вот это будет правильно... Читайте больше, внимательней, учитесь, учитесь..., кто знает? Может быть, через 3—5 лет начнете писать отлично. А пока пишите для себя, не показывая людям стихи Ваши. Это для того, что неосторожные или малосведущие люди могут похвалить Вас, а похвала неосторожная, неумелая может повредить Вам, милый мой далекий человек.

5 апреля 1932, Сорренто.

Премудрая, уважаемая и нелепая девушка в очках!

Ваше умение читать книги восхищает меня, я говорю это совершенно серьезно и с крепкой надеждой, что Вы со временем научитесь писать весьма полезные книги...

Если Вы серьезно решили заняться работой о рифме, фольклор надобно знать, ибо в ос-

нове «писаной» литературы лежит устная...

И надобно знать европейские работы по этому вопросу. На каких языках читаете Вы? Сообщите мне это — немедленно! — я достану Вам нужные книги и привезу оные.

И до свидания! Скоро увидимся, и я буду злобно издеваться над Вами, ведьма. И еретица.

5 августа 1933, Москва.

Внимание, девица Жакова Вера!

Немедля по получении сего моего приказа начните собирать факты, кои: в одну сторону — свидетельствуют об инициативе различных «мелких» людей, а в другую сторону — о том, как эту инициативу не понимали и подавляли.

...Обдумав сию тему, сядьте и разработайте ее в статье размером в лист, в полтора. Статью же нужно написать живо и просто, как Вы, чертовка, пишете безумные Ваши письма. Написав статью, Вы притащите ее Горькому М., заместнику Горьковского края, и выслушаете от него различные словесные поношения, после чего статья может быть напечатана.

Вот Вам. А то Вы, девушка, расползаетесь во все стороны, как тень облака, гонимого ветром... Вообще — старайтесь! Хорошо делаете, куплю полкило конфет, не очень дорогих, разумеется.

14 марта 1934, Москва.

...Вы можете дать очень ценную книгу ярких иллюстраций к истории русской культу-

ры... Вы девушка даровитая и должны работать очень серьезно, очень тщательно. Это Ваша обязанность не только перед страной, но и перед самою собой...

Крепко жму руку. Работайте больше, это Вам полезно, девушка в очках.

19 мая 1934, Горки.

Дорогая девушка Жакова Вера!

Вы очень торопитесь. Торопитесь не только писать, но и думать, а привычка думать поспешно может незаметно для Вас разбить, рассеять Ваше литературное дарование да и Ваш вкус к истории.

...Не торопитесь, Верочка, дитя мое! Литература — это труднее, чем любовь. Вам грозит болезнь, которую можно назвать перенасыщением и утомлением неорганизованным знанием, перенасыщением, которое может обратиться в отвращение к знанию.

Относитесь к этим моим замечаниям серьезно, ибо я серьезно, искренно желаю Вам хорошего, здорового роста. Не суетитесь.

17 июня 1934, Москва.

Верочка, китайское чудовище и ведьма!

Еще раз повторяю Вам: если Вы станете разбрасываться, толка из Вас не будет. Талант — как породистый конь, необходимо научиться управлять им, а если дергать поводки во все стороны, конь превратится в клячу.

Если Вас «дезорганизует» Ваша жажда

впечатлений и обилие их, заведите дневник и складывайте в него все лишнее, что не нужно Вам на сей день...

25 апреля 1936, Тессели.

(Последнее письмо, написанное незадолго до кончины А. М. Горького.)

Очень рад сказать Вам, Вера, что о Кулибине Вы написали хорошо — гневно, горячо, ярко и все в меру. Чувствуется, как тема волновала Вас, и это волнение — испытываешь. Уверен, что так же испытывает его любой грамотный читатель. Вещь эту надобно будет издать вместе с другими биографическими очерками Вашего пера, интересная книжка будет.

...Теперь, когда Вы, наверное, поняли, как важно отдать всю свою волю определенной задаче, я почти уверен, что дальнейшая работа у Вас пойдет легко и быстро.

...Очень рад я, что Кулибин удался Вам!

Будьте здоровы, растите большая!

М. Горький

Вера Жакова родилась в большом селе Никулине. Отец у нее был юристом, мать учительствовала в никулинской школе. В доме было много книг, и девочка очень рано научилась читать. Верина мама вспоминала: «Память у нее с детства была необыкновенная. Я помню, когда ей было около шести лет, по вечерам часто читали вслух классиков, а она всегда тихонько сидела около меня, и я ду-

мала, что это ей совсем не интересно, и она дремлет под такое серьезное чтение. Но была просто поражена, когда она в скором времени как-то, пожалуй, даже неосознанно стала наизусть передавать целые сцены из повести Гоголя «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Уже в семилетнем возрасте Вера знала наизусть некоторые сказки и стихи Пушкина, Бунина, Кольцова».

Потом семья Жаковых переехала в соседний Алатырь, а в 1923 году — на Дальний Восток. Но и в Благовещенске, откуда Вера написала свое первое письмо Горькому, она не забывала Присурье, помните ее строки, адресованные в Сорренто? — «Я с удовольствием вспоминаю детство, которое я провела в деревне...» Несколько лет спустя родные с детства места Поречья и поречане оживут и в ее историческом рассказе «Настасья Хлопова».

«Вы еще молодая птица, учитесь взлетать выше», — как напутствие восприняла Вера Жакова эти слова М. Горького в очередном письме из Сорренто. Закончив в 1930 году школу, она выехала в Москву, как объясняет сама в ответном письме-исповеди, «чтобы при помощи учебы пробить ...ворота в настоящую серьезную литературу». Она хочет поступить в вуз, но... туда принимают лишь с 18 лет, а ей мешают ее неполные 16... Лишь через год, после личного знакомства с Алексеем Максимовичем и по его рекомендации, 17-летнюю девушку принимают в редакционно-издательский институт.

Она с головой уходит в учебу, в самообразование. «Я по Москве прочитала около 1000

книг», — по-детски хвастается она Горькому, рассказывая о своем увлечении историей города, русской стариной. Ее пытливый ум проникает в самую толщу веков, и рождаются под ее пером образы талантов-самородков из народа, так называемых «черных людей». Осенью 1935 года по совету и поручению Алексея Максимовича она отправляется в город Горький, чтобы собирать там материалы по истории Нижегородского края от основания до наших дней. Вера радуется доверию: «Горьковский край — это моя молодость, моя жизнь, это работа, которой я готова отдать все силы». В своих поездках бывала она и в Чувашии, входившей тогда в состав Горьковского края, встречалась с учеными и краеведами Чебоксар. «Работа, которую Вы мне поручили, трудна и захватывающе интересна», — докладывает она своему учителю.

Один за другим появляются ее рассказы, очерки, рождаются новые задумки. С одной из них она делится с Роменом Ролланом. Тот тут же отвечает: «Я надеюсь, дорогая В. Жакова, что Вы благополучно придете к окончанию своей работы, и я Вам желаю богатой жатвы в архивных документах и интересного произведения искусства».

Но не сбылись ее творческие замыслы: подкошенное тяжелым недугом, ее сердце остановилось в марте 1937 года. Ей было только двадцать два года...

Лишь через несколько лет после смерти Веры Жаковой был опубликован ее рассказ «Настасья Хлопова». С трудом веришь, что написан он 19-летней девушкой. Еще только засеив за рукопись, посвященную пугачевщине,

она рассказывала М. Горькому о будущей своей героине: «Посылаю Вам биографию Настасьи Хлоповой. О ней написано мало, почти ничего. А в истории русской женщины этой двадцатилетней девочке несомненно принадлежит одно из первых мест... Хлопова увлекла меня. Моя ровесница, девочка с неокрепшими худенькими руками, видевшая много гадостей, через унижение и ненависть познавшая смысл и величайшую радость социальной борьбы, руководившая ею сама, нуждается в лучшем биографе».

Исторический рассказ этот, созданный на основе песен, легенд, народных сказаний, которыми так богат ее родной засурский край и сам напоминает поэтическую легенду...

«НАСТАСЬЯ ХЛОПОВА»

(Отрывок из рассказа)

...Мужики старинных засурских вотчин почетно встречали крепостную царицу. В Кладбищах, Кувакине, Стемасове, Анастасове и Порецком от страшного набата качались купола древних церквушек, на крыши барских домов садились красные петухи. Настасья судила помещиков, жаловала мужикам черный надел и вольность, отправляла Пугачеву обозы с хлебом, мешки серебра, десятки новых казаков. Правительственные войска метались в поисках государственной преступницы и самозванки. На трех офицерах Настасья, широко и весело улыбаясь, захлестнула крепкую

петлю, двести человек екатерининских солдат присягнули третьему Петру.

«Ведьма», — говорили мужики из ее отряда. «Сволочь баба», — ворчали оренбургские казаки.

В Богородском женском монастыре монашки, перебив соборных старцев, присоединились к настасьинному отряду. Казаки учили их стрелять, обращаться с конями... В Алатырском уезде продолжались «мужицкий бунт и бесчинство».

В сельце Козловке отряд отдыхал. В приказчиной избе Настасья, зябко кутаясь в горностаевую шубку (взяли из приданого княжны Енгалычевой), чесала русые тяжелые косы. В зеркале улыбалось зазорное обветренное лицо с крупными собольими бровями. Девушка вздохнула... Царица. Год назад господу за человека не считали — теперь в ногах валяются... Царица...

20 августа 1774 года в бою под Сарептой Настасью ранили и подобрали правительственные солдаты. «Государственную злодейку» велено было вылечить и доставить в Петербург.

Потянулись безрадостные тюремные дни. Корчась от боли, Настасья вспоминала алатырские леса, одуряющий грохот сражений, скуластое лицо Емельяна... Приходивший поп уговаривал: «Покайся, государыня помилует». — «Каяться не в чем, мужикам царица, Емельяну жена, остальные грехи бог простит». На пытках закусывала губы и, когда полумертвую отливали водой, упрямо шептала: «Царицей, не холопкой помираю».

После казни Емельяна императрица поже-

лала видеть «предерзкую самозванку». Девушку привели в Зимний дворец. Навстречу поднялась голубоглазая, слегка обрюзгшая немка, брезгливо улыбаясь, смотрела в измученное детское лицо с гордыми искусанными губами. «Кто тебе сказал, что ты есть императрис? Императрис есть я». Екатерина величественно подняла брови. Настасья рванулась вперед. Терпкий ветер августовских вечеров, холодные звезды, конский топот и страшный призрак Емельяна Пугачева ворвались в комнату: «Я — царица, тебя ж не знаю и знать не хочу!».

Дюжие гвардейцы оттащили Настасью. Через пять лет она умерла, отказавшись дать показания «о беглом воре и самозванце».

АЛЕКСАНДРА ДУГАЕВА

(1950—1982)

А мне б хотелось очень
 сильной быть,
 Чтоб не молить
 о помощи другого.
 А мне б хотелось очень
 гордой быть,
 Чтоб не прощать
 и помысла худого.
 А мне б хотелось очень
 смелой быть,
 Чтоб старым другом
 не назвать чужого.
 А мне б хотелось очень
 нужной быть,

Быть терпеливой,

сдержанной на слово.

А мне б хотелось очень

нежной быть...

Но как в себе все это

совместить?

Автор этих строк — молодая поэтесса Александра Дугаева. Пятнадцать лет Саша была почти недвижима: еще подростком приковал ее к постели тяжелый недуг. Но она сумела остаться в самой гуще жизни, быть нужной людям. Помогали ей в этом многочисленные друзья, далекие и близкие.

Саша обладала завидным даром притягивать к себе людей неравнодушных, наделенных подлинным талантом доброты. Сумками носил почтальон письма Дугаевым. Они шли в глубинное село Семеновское от заочных друзей из Москвы и Ленинграда, Заполярья и Украины, Кирова и Куйбышева, Саранска и Горького, Евпатории и Кемерово...

Мне письма эти,

Словно полю в зной вода,

Я жду их терпеливо,

как всегда,

— признавалась девушка в одном из своих стихотворений. «Мне везет на хороших людей», — бесконечное число раз повторяла она. Да нет, везение тут, наверное, было ни при чем. В одном из писем она как-то высказала не раз передуманное: «Если разобраться, то нам принадлежит только то, что мы отдаем другим. Эгоист ничего не имеет, приобретением копятя только материальные богатств-

ва». Умение без остатка отдавать себя другим было самым большим ее богатством, чудодейственным лекарством, безотказно помогавшим ей же в самую трудную минуту. «Как бы ни было трудно, всегда есть на свете люди, которым трудней твоего, об этой истине я не забывала никогда. И это заставляло устыдиться собственной слабости».

Не случайно ей писали даже из колоний, писали матери оступившихся непутевых сыновей и дочерей: «Помоги, посоветуй!...» И Саша, преодолевая болезнь, долгими бессонными вечерами писала письма-талисманы: «Мне бы хотелось подарить тебе радость, пусть самую маленькую. Когда выйдешь на улицу, посмотри на мир моими глазами, поймай в ладони снежинку и попристальней взглядишь в нее, ты, наверно, уже забыла, какое это чудо совершенства! А деревья в инее, а чирикание воробьев в морозном воздухе, а скрип снега под ногами, которые молоды, легки и послушны! Постарайся вытащить себя на свет божий из мрачноватой, одинокой кельи своей души, увы, гармония не в нас, я убедилась в этом за годы раздумий...»

Чуть мелькнет тревожная нотка в чьем-то голосе или письме, и она тут же спешит на помощь. Как никто другой умела эта худенькая, хрупкая девушка чужую боль брать на себя, и сама становилась от этого сильнее.

И с дружеским пожатием руки

К тебе вернутся силы

и желанья.

И ты готов опять тропой

призванья

Идти вперед, невзгодам

вопреки.

Удивительно легко и просто чувствовали себя с Сашей незнакомые люди с первых же минут общения. Всегда многолюдно бывало в маленьком, приземистом домике Дугаевых в Семеновском. Заходили «на огонек» односельчане, просили подобрать нужную литературу сельские пропагандисты, со всех окрестных деревень приезжали фотографироваться в их «домашнее фотоателье» молодожены.

Проходили здесь и выездные заседания районного литобъединения «Сурские голоса», одним из активных членов которого она была. Частенько проводывали ее журналисты-поречане из местной «районки»: почти полтора десятилетия Саша была активным селькором газеты, ее перу принадлежит множество очерков и острых публицистических статей. Их героями становились доярки, полеводы, сельские учителя и медики, совсем молоденькие механизаторы и хлебнувшие в жизни лиха солдатские вдовы. Все одинаково интересно было автору этих очерков, все пропускала она через собственное сердце. Одного лишь всегда боялась — обмануть доверие людей.

Когда тебе доверчиво и просто
Свою судьбу рассказывают люди,
Волнуешься, как будто в первый раз...
И sereneкий экран нелегких буден
Волшебно оживает.
Труд и радость,
Надежда и любовь,
Печаль и счастье
На нем свой яркий оставляют след, —
И мир добреет,
И светлеет жизнь.

Из окна домика, что стоит в центре села Семеновское, Саша годами видела лишь де-

ревенскую улицу, куст сирени в палисаднике, краешек неба. Но всеми цветами радуги сверкает мир в ее стихах-солнечных, мажорных, искренних. Едва в Чувашском книжном издательстве вышел первый стихотворный сборник А. Дугаевой, как в считанные дни эта тоненькая книжечка с символическим названием «Земная сила» стала библиографической редкостью. Незнакомые люди переписывали стихи от руки и посылали своим друзьям во все концы страны. И хлынул новый поток писем, новые друзья появились у Саши, согревая ее теплотой и поддержкой:

И верю вновь
в бессмертье доброты,
В бессмертье жизни,
красоты и света.
И хочется до самого
рассвета
В ночи корпеть
Над строчкой непокорной,
И знания с бою брать
в борьбе упорной.

«Знания с бою брать в борьбе упорной»... Это не просто стихотворная строчка, это строка биографии. Почти пятнадцать лет, более пяти тысяч долгих дней и ночей, с девятого класса Саша была прикована к постели. Но с помощью друзей закончила экстерном школу. Вплоть до последнего своего часа неразлучна была с книгами, с которыми, по ее собственному выражению, готова была хоть на необитаемый остров. Без усталости штудировала толстенные фолианты по философии, эстетике, научному атеизму, теории журналистики, самостоятельно изучала французский язык.

А сколько было планов и задумок на будущее! Была у нее мечта написать книгу по истории родного Порецкого района, уже и материалы начала собирать. Готовила к печати свою вторую книжку—сказки для детей. С особым нетерпением ждала Саша весну 1982 года: ей так хотелось самостоятельно проехать по селу на новой удобной коляске, что выхлопотал для нее обком комсомола. Хотелось увидеть, как впервые зацветет под окном подаренный друзьями кустик ее любимых глазастых ромашек.

Но... Ее не стало на третий день весны... И осталась щемящая боль от непоправимой утраты. Осталась светлая память о мужестве девушки с пламенным сердцем Данко. Остались чудесные солнечные стихи.

Весь день стучат
 капли озорные,
И ждешь какой-то
 радости неясной.
Весной стираются
 границы возрастов.
Ты старость не ищи —
 напрасно!
Весною не бывает
 стариков.
Есть юность, и она
 прекрасна!

* * *

...Как устает крылатая душа
Влачить оковы немощного тела...
Залетным ветром юность прошумела.
Грозою майской стороной прошла.
И нет угла у памяти моей,

Она так одинока и бездомна.
Пусть эта просьба в зрелости нескромна:
«Спой для меня, маэстро соловей!»

* * *

И если скажут вам: де, тот-то
Один достиг вершины мастерства, —
Не верьте, что правдива та молва:
Не покорится и ценою пота
Ни горная вершина, ни работа,
Коль ты один. Сильны мы силой многих.

* * *

Деревенский застоявшийся уют.
Ходики туда-сюда снуют.
Дремлет кот на печке у трубы,
Видит в грезах крыши и столбы.
Тишина гнездится по углам,
Зарываясь головою в хлам,
А на замороженном окне
Листья — словно в сказочной стране.
Я не рвусь в ту милую страну.
Просто я по-братски тишину,
Не грустя, не плача ни о чем,
Разделяю с книгами, с котом,
Пишу стихи о том о сем...

* * *

А сколько дорог на свете,
Сочтешь ли их все? Едва ль.

Одни проходят сквозь лето,
Другие — сквозь вьюжный февраль.
Их осенью листья заносят,
Весной — тополиный пух.
Не трудно выбрать из сотен,
Труднее — одну из двух.
Дороги, дороги, дороги...
Так много дорог впереди,
Лишь были бы крепкие ноги,
Да чуткое сердце в груди!

* * *

Не хочу быть
Ни дубом,
Ни ивой,
Ни кудрявой березкой красивой,
А хочу быть травинкой простой,
Что асфальт пробивает весной.

СУРСКИЕ ГОЛОСА

АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ ПОРЕЧЬЯ

«Издавна Порецкий район называют самым поэтичным уголком Чувашии, имея при этом в виду и красоту мест, и поэтов-выходцев из Поречья. Действительно, невыразимо прекрасны там почти еще девственные леса по правобережью Суры и сбежисто-холмистые поля левобережья, действительно, много вышло из этого района деятелей литературы и искусства. Известные поэты Николай Бусыгин, Владимир Алатырцев, Иван Пиняев, Александр Лесин, Владимир Грибанов, Иван Краснов, добрый сказочник-прозаик Николай Мишутин — вот далеко не полный перечень их. В газетах и журналах республики появляются имена новых и новых юных дарований».

Виталий Захаров

Занялася заря расписная,
Выхожу за околицу я.
— С добрым утром, сторонка родная,
Дорогая отчизна моя!
(Из песни на слова поэта-поречанина
Николая Сусленникова)

ПРЕДАНЫЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ...

Русские крестьяне Чувашского Присурья, предки которых принимали исключительно активное участие в движении Разина, хранили в памяти много преданий о нем. Некото-

рые из них были записаны А. П. Мельниковым-Печерским летом 1891 года в Алатырском уезде Симбирской губернии (автор бывал в селениях Порецком, Ратове, Бардине, Устиновке и др). «Самое население присурского края, — пишет А. П. Мельников-Печерский, — еще в стародавние времена образовалось из беглых, впоследствии прикрепленных к новым владельцам свободных земель. Рядом с усилением крепостного права, с возрастанием тяжелого гнета крепостничества все более и более пробуждалась жажда утраченной свободы, воскресало воспоминание о старых временах привольного житья на свободе, народная фантазия создавала целые эпопеи о прошлом, вспоминались при этом и времена Стеньки Разина, и времена пугачевщины, «когда Пугач приходил господ вешать», как говорят в Присурье... Из легенд, слышанных мной, особенно поразила меня одна — необыкновенной поэтичностью и каким-то мистическим смыслом: легенда эта о Степане Разине. Где-то за Волгой, в дремучем лесу, в топком болоте лежит гигантский труп Стеньки Разина; воронье слетается и клюет его, змеи сосут его кровь; долго ли лежит Стенька — неведомо, но будет время — оживет он и снова пойдет по русской земле...»

В. Д. Димитриев.

«Чувашские исторические предания»

* * *

В 1831 году по рекомендации Александра Алексеевича Крылова, хозяина д. Висяга (ны-

не д. Крылово), соседа по имению И. П. Мятлева и знакомого с ним по Петербургу, управляющим Порецкой вотчиной назначен был его писец Степан Яковлевич Ползиков, охарактеризованный им как «талантливый, трудолюбивый, обладающий отличной памятью, хорошо грамотный и начитанный служащий».

Личность С. Я. Ползикова, по-видимому, незаурядная для наших мест. Известно, что Степан Яковлевич был лично знаком с А. С. Пушкиным. Александр Сергеевич охотно разделял его общество, слушал рассказы собеседника о местном крае, фольклоре, быте населения и примечательных событиях (пугачевщине и др.). По свидетельству Н. А. Крылова (отца академика А. Н. Крылова) его отец — А. А. Крылов во время эпидемии холеры (1830 г.)... был сделан окружным комиссаром и в его округ входило с. Болдино, в котором жил тогда А. С. Пушкин. А. А. Крылов по личным делам, а также и по служебным, часто навещался в Болдино вместе со своим писцом С. Я. Ползиковым, и обязательно заходили оба к Пушкину.

«Ползиков, — пишет Н. А. Крылов, — рассказывал эпизод бегства Пушкина из Болдина с большими подробностями, чем это описал сам Пушкин». Находясь на службе у Мятлевых, С. Я. Ползиков по делам хозяйства нередко бывал в Петербурге и там, в мятлевском особняке-музее, вероятно, виделся с А. С. Пушкиным, который частенько бывал здесь на литературно-музыкальных встречах-вечерах, да и запросто у своего товарища И. П. Мятлева. Надо полагать, что Пушкин и здесь использовал встречи с Ползиковым для

получения, помимо архива различного рода дополнительных сведений о событиях, связанных с пребыванием Пугачева в пределах Алатырского и Курмышского уездов из первых рук (А. С. Пушкин в это время занимался историей пугачевщины). Кто-кто, а Ползиков многое знал о деяниях Пугачева и его отрядов на территории округа с. Порецкого.

...Есть предположение, что А. С. Пушкин записал со слов С. Я. Ползикова местную драматическую песню «На заре то было, на зорюшке...» зародившуюся в г. Алатыре или где-то поблизости от него. Эта песня — об убийстве мужа женой с указанием в ее тексте точного адреса трагедии:

На заре-то было, на зорюшке,
На заре-то было вечерней:
Высоко звезда восходила,
Выше лесу, выше темнова,
Выше садика зеленова.
Как во городе во Алатыре
Случилось несчастье,
Как несчастье немалое:
Жена мужа потеряла...

В Алатырском и Ардатовском уездах эта песня имела распространение и певалась (в частности, в Порецком) вплоть до Октябрьской революции,

(И. М. Вавилов «Из далекого прошлого села Порецкого и района»)

ПОСЛОВИЦЫ И КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, ЗАПИСАННЫЕ В ПОРЕЧЬЕ

«Из всех пороков самый ужасный — это неблагодарность».

- «Без труда не вынешь и рыбку из пруда».
«Что посеешь, то и пожнешь».
«Не гадай, что будет, береги, что есть».
«Сухая ложка род дерет».
«Кто много бает, тот мало знает».
«Лучше синица в руках, чем журавль в небе».
«Доносчику — первый кнут».
«Под лежащий камень вода не течет».
«Аптека не прибавляет века».
«Баня — мать вторая: кости распрямляет, все тело поправляет».
«Чеснок семь недугов изводит».
«Земля без воды — мертва, человек без семьи — пустоцвет».
«Материнская любовь со дна моря вынимает».
«Худой мир лучше хорошей ссоры».
«Ум без разума — беда».
«Первый путь к добру — не делать зла».
«Шурин глаз щурит, зять любит взять, теще любит честь».
«Старость — золотая вершина жизни».

ИВАН МЯТЛЕВ

(1796—1844)

Среди своих современников приобрел известность сатирическими стихами, остроумными стихотворными экспромтами и каламбурами. Особую известность принесла ему юмористическая поэма «Сенсация и замечания госпожи Курдюковой». А в 1834 году он анонимно выпустил книжку лирических сти-

хов с характерным названием «Друзья уговорили», очень небольшим тиражом, в расчете именно лишь на друзей и знакомых. Но стихи понравились, стали ходить по рукам, читались на вечерах. Ивану Петровичу не очень повезло, имя его осталось почти неизвестным в истории русской литературы, хотя очень многие с удовольствием читали эти его стихи, не зная, однако, имени автора. Помните, например, знаменитое стихотворение в прозе Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...» начинающееся словами: «Где-то, когда-то давно-давно тому назад я прочел одно стихотворение. Оно сразу позабылось мною..., но первый стих остался у меня в памяти: «Как хороши, как свежи были розы...» А принадлежало оно как раз перу И. П. Мятлева.

Он был выходцем из старинного, баснословно богатого дворянского рода Салтыковых, владения которых были по всей России, в том числе и имения в Порецком, где особенно часто бывал летом Иван Петрович. Красивый, оригинальной архитектуры особняк Мятлевых в Петербурге современники называли музеем: здесь была одна из известнейших в ту пору частных картинных галерей. В этом хлебо-сольном, гостеприимном доме часто устраивались литературные и музыкальные вечера, в которых за честь почитали участвовать и российские, и зарубежные знаменитости. Любили гости послушать и стихи хозяина дома в его собственном исполнении.

«Если... раздавался в какой-либо петербургской гостиной дружный неудержимый и громкий смех, то безошибочно можно было

угадать по этому присутствию в этом доме Мятлева, читающего свои произведения», — вспоминал один из современников поэта, человека доброго, веселого, высокообразованного, который был в самых дружеских отношениях с Жуковским, Вяземским, Пушкиным, Лермонтовым... Пушкин и Вяземский, бывая в гостях у Мятлева, иногда даже вместе с ним писали шуточные стихи. Одно из своих стихотворений посвятил Ивану Петровичу Лермонтов, а в другом лермонтовском стихотворении есть такие характерные строки, что искренне любит он «Ишки Мятлева стихи»...

РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!
 Как я берег, как я лелеял младость
 Моих цветов заветных, дорогих;
 Казалось мне, в них расцветала радость,
 Казалось мне, любовь дышала в них.
Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты,
Венка из рос искала молодая,
И я сорвал заветные цветы.
 И не в венке цветы еще казались
 На радостном челе красивее, свежей,
 Как хорошо, как мило соплетались
 С душистою волной каштановых кудрей.
И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вились и радость, и любовь.
 В ее очах веселье, жизни пламень;
 Ей счастье долгое сулил, казалось, рок.
 И где ж она..? В погосте белый камень,
 На камне-роз моих завянувших венков.

РУССКИЙ СНЕГ В ПАРИЖЕ

Здорово, русский снег, здорово!
Спасибо, что ты здесь попал,
Как будто бы родное слово
Ты сердцу русскому сказал.
 В родных степях я очутился,
 Зимой отечествадохнул,
 И от души перекрестился:
 Домой я точно заглянул.
Но ты растаешь, и с зарею
Тебе не устоять никак,
Нет, не житье нам здесь с тобою:
Житье на Родине, земляк!

АЛЕКСЕЙ КРЫЛОВ

(1863—1945)

(Из книги «Мои воспоминания»)

«Книга академика Алексея Николаевича Крылова «Мои воспоминания» — удивительный образец мемуарной литературы. Она была издана впервые в 1942 г. и выдержала с тех пор шесть изданий... Случилось так, что я оказался свидетелем ее написания. Дело в том, что Алексей Николаевич — мой дед по материнской линии. Анна Алексеевна Капица — урожденная Крылова. Алексей Николаевич жил всегда в Ленинграде, наша семья — в Москве, а встретились мы в первые месяцы войны в Казани, куда были эвакуированы научные учреждения Академии наук СССР... Написана она была за 27 дней... Причем все цифры, даты, фамилию дед, которому было тогда 78 лет, записал по памяти — дневников он не вел... 12 мая 1942 г. книга была подписана в печать, а 15 октября я получил в подарок эк-

земпляра книги с назидательной надписью: «Моему внуку Андрею Капице 11-ти лет с советом, чтобы он всегда и везде помнил, что он в мире не один».

Член-корреспондент АН СССР
А. П. Капица

...Наша усадьба была расположена на левом берегу речки Висяжки, которую летом курица свободно вброд переходила. В старые годы на этой речке была мельница, и от нее сохранилась прорванная плотина. По правому берегу Висяжки, саженьях в 50—100 от русла, а местами и ближе, шла проселочная дорога из Висяги в Ермоловку и в с. Семеновское. Там, где эта дорога проходила вблизи старой плотины, считалось «нечистое место». На нем двоюродный брат отца Петр Федорович Филатов (отец знаменитого ныне окулиста Владимира Петровича Филатова) был выброшен из седла и сломал ногу; наш работник, почтеннейший Семен Романович, севастопольский унтер и кавалер, был опрокинут и, очутившись под телегой, был сильнее контужен, чем под Севастополем. Мальчишки, мои друзья, рассказывали мне множество подобных случаев. Так вот, летом 1872 года я с несколькими сверстниками ловил в Висяжке рыбу. Ловили мы — кто на удочку, кто просто руками — гольцов и пескарей. Трезорка был с нами и спокойно лежал на берегу реки. Видим мы, что по дороге в Ермоловку едет верхом наш висяженский мужик и рядом на другой лошади его 10-летний сын Васька.

Мальчишки сразу обратили внимание: «Дядя Михайло-то свернул с дороги, зная, поганое то место стороной объезжает, а Васька, дурень, прямо прет, уж с ним что-нибудь да будет».

Не успели это сказать, как Трезорка, вообще смирный и никогда не гонявшийся ни за телятами, ни за жеребятами, перемахнул через речку и с лаем бросился за жеребенком той матки, на которой ехал Васька. Жеребенок побежал к матке, matka повернулась к Трезорке задом и, защищая жеребенка, стала бить. Васька слетел через голову и заорал, и завизжал, как говорится, благим матом. Когда мы к нему подбежали, то оказалось, что, падая, он выставил вперед правую руку, обе кости которой и сломал между локтем и запястьем, так что его сейчас же с дядей Михайлом доставили на барский двор и затем отправили за 25 верст к доктору в с. Поречское.

НИКОЛАЙ БУСЫГИН

(1906—1942)

Имя поэта-земляка Николая Бусыгина, стоявшего у истоков молодой советской поэзии в чувашском краю, известно каждому поречанину. Он был в Поречье первым пионервожатым, первым комсомольцем, читатели хорошо были знакомы с его острым журналистским пером, его яркими переводами чувашских литераторов. Всегда на переднем

краю, всегда в первых рядах борцов за новую жизнь. И на фронт тоже ушел в числе первых своих земляков. А в конце 42-го пропал без вести в боях под Ржевом... И как охранная грамота бессмертию, его имя золотыми буквами высечено на мраморной мемориальной доске в Доме печати в Чебоксарах, среди имен других воинов-журналистов, павших смертью храбрых.

Лишь один-единственный стихотворный сборник Н. Бусыгина с символическим названием «Земля в цвету» вышел в свет при его жизни — в самый канун войны. «Меня взволновало то, что мои стихи вам всем понравились, — писал Николай Иванович с фронта домой сестре. — Я очень рад, что они доходят до людей, волнуют их. Я часто печатаюсь в дивизионной газете, недавно выступал на смотре красноармейской самодеятельности. Имел успех. В Красной Армии поэтическое слово тоже не последнее оружие. Думаю о следующей книжке, которая будет называться «Счастье».

«Счастье»... Именно так называется один из стихотворных сборников Николая Бусыгина, изданный уже в послевоенное время. «Война оборвала жизненный и творческий путь поэта, но не сожгла его мечту, — читаем в предисловии. — Стихи Николая Бусыгина живут и волнуют сердца читателей и слушателей. Лиричность, взволнованность, зримая образность и мелодичность — их отличительные черты. Именно благодаря этим качествам его поэзия находит отклик в душе читателя, побуждает запомнить строки, согретые сердечным теплом автора».

Радостную землю величая,
Крылья распахнули тополя.
На восходе солнечном встречаю
Я тебя, отцовская земля.
Ты — лесов задумчивая цветень,
Ива, отраженная в пруду,
Самое красивое на свете
Наливное яблоко в саду.
Здесь твое прославленное лето
Одевает ситец голубой.
Здесь в лучах твоих перед рассветом
Очень тонко пахнет зверобой.
Здесь прошло простое и босое
Детство, оставляя легкий след.
И опять, обрызганный росой,
Я иду по радостной земле.
Солнце над землей моей широкой
Смело набирает высоту.
Здравствуй, светлой юности дорога
В золотом ромашковом цвету.

* * *

Мне часто снятся детство и дорога,
Бегущая веселыми лугами,
В зеленой пойме синие озера,
Наполненные золотом кувшинок
И белым снегом лилий водяных.
А просыпаясь, старую дорогу
Я вижу из окна и вспоминаю,
Как в детстве отзвеневшем мы в ночное
По этой вот дороге уезжали
Верхом на разномастных лошадях.
...Горит костер веселый, отражаясь
В глубоком озере, и нам казалось — это
Среди осоки, на стебле высоком,
Качаемая чуть заметным ветром,
Кувшинка золотая расцвела.
И мы, любуясь радостным цветеньем,
Игрою звезд, упавших с неба в воду,
Лежим в траве, росистой и пахучей,
И слушаем до самого рассвета
Живые сказки деда-пастуха.

Он много знал их, сказочник чудесный,
Неповторимых — грустных и веселых.
Мы слушали его не уставая.
А рано утром, чуть заря забрезжит,
Старик, прощаясь с нами, говорил:
— Сегодня снова до захода солнца,
Бродя в лугах и в поле, я узнаю
От птиц и ветра много новых сказок.
Они ко мне слетаются, как птицы,
И я их собираю в свой мешок.
При этом он с усмешкою лукавой
Глядел на нас.
А ночью нам казалось,
Что у него в котомке за плечами
Трепещут тихо пойманные сказки
И просятя на волю улететь.
Старик опять развязывал котомку,
И, рассыпая перья золотые,
Над нами пролетала сказка-птица,
Маня в страну такую, где одни лишь
Живут счастливые богатыри.
И мы в мечтах, седлая лошадемок,
Пасущихся на сказочной поляне,
Скакали по неведомым дорогам
В страну чудес, за смелой
сказкой-птицей,
Которую хотелось нам поймать...

НИКОЛАЙ МИШУТИН

(1921—1972)

«Добрый сказочником» называли Н. Мишутину многие, кому довелось знать его. И не только за то, что любимым жанром писателя были сказки для самых маленьких, но и за его характер — отзывчивый к чужому горю, равнодушный, за готовность без просьб придти к людям на помощь. И Саше Дугаевой, юной поэтессе из Поречья, всяче-

ски помогал в самом начале ее творческого пути, в то трудное для нее время, когда только-только узнала девушка о неизлечимом своем недуге, навсегда приковавшем ее к постели: по-отцовски бережно пестовал он первые искорки ее литературного дара. И несколькими годами спустя: в студеную декабрьскую пору, она писала подруге: «Тяжело на душе: умер человек, которого я очень уважала. Это писатель, инвалид Отечественной войны Н. С. Мишутин. Он жил в Порецком, несколько раз бывал у нас. Он много помогал мне, советовал, как писать, исправлял мои сказки, помогал готовить их к печати. Ему только-только исполнился пятьдесят один год... Николай Степанович был добрым, простым человеком, его книги печатались не только в Чебоксарах, но и в Москве».

Семь сборников рассказов и сказок Мишутина было выпущено Чувашским книжным издательством, три его книги увидели свет в центральном издательстве «Советская Россия», а на московской студии «Диафильм» по его произведениям было выпущено несколько мультфильмов. А потом он начал работать в новом для себя жанре, задумав написать многоактную пьесу для детей. Но пьеса так и осталась незавершенной: подкосило таки солдата давнее ранение.

Теплые стихотворные строки посвятил Н. Мишутину его земляк-фронтовик В. Грибанов:

Друг давний мой, тебе и мне
Пришлось привыкнуть рано к седине,
К боям, к несчастью разоренных стран,
К молчанию при жгучей боли ран.
И даже к гибели друзей своих

Привыкли мы, случайные в живых,
Чтоб не пришлось потомкам никогда
Разрушенными видеть города,
Чтоб мать не провожала в бой сынов,
Чтоб вечно жили сказки детских снов...

СЕРЕБРЯНЫЕ ЯГОДЫ И ЗЕЛЕННЫЕ ЛИСТОЧКИ

(Сказка для детей)

Этот весенний теплый Дождик вошел в сад перед самым рассветом. У него была бесшумная, легкая походка. Он не стучал своими тонкими ногами по крышам домов, не будил людей, не тревожил их крепкий приятный сон.

Дождик ступал так тихо, нежно и мягко, что даже тонкие, чуткие ветви деревьев сада не ощутили его любопытного прикосновения. Он бережно и осторожно ощупал несколько мягких набухших почек и вдруг удивленно присмирел. Он словно раздумывал: «Странно, пришла весна, стало тепло, а на ветках нет ни одного листочка! Почему?..»

И тут Дождик шумно и торопливо заходил по саду. Он раскрывал пухлые ладошки у почек и что-то без умолку шептал, шептал яблоням и вишням. Робко и несмело из почек стали показываться наружу маленькие зеленые листочки.

Когда растаяла ночная мгла и на краю неба запылала малиновая ленточка зари, Дождик так же тихо и незаметно покинул сад, пошел своей дорогой. На каждой ветке рядом с листочками остался его памятный подарок — светлые прозрачные бусинки.

...Взошло красное солнце, и каждая бусинка

весело заискрилась своей волшебной красотой. Людям казалось, что по ветвям сада рассыпаны не дождевые капли, а невиданной красоты драгоценные камни.

В это время выглянула из окошка девочка, посмотрела в сад и ахнула.

— Смотрите, смотрите! — радостно закричала она. — На вишнях серебряные ягоды! Серебряные ягоды!

И прямо из окна — в сад, ухватилась за ветку, нетерпеливо потянула к себе.

Дрогнули серебряные ягоды, сорвались на землю. Девочка опечалилась, но не совсем огорчилась: на ветвях осталось другое забавное чудо — маленькие зеленые листочки...

ВЛАДИМИР АЛАТЫРЦЕВ

(1908—1964)

Поэтический талант Владимира Алатырцева формировался на Суре, во время учебы в Порецком педагогическом техникуме, креп в литературном объединении при редакции районной газеты. А потом собственную любовь к поэзии он прививал и своим ученикам, сначала в Порецкой средней школе, потом в Чувашском пединституте, где преподавал литературу. Не раз на занятиях звучали и его собственные строки, многие из которых были посвящены обласканному солнцем Засурью. И позже, когда судьба забросила его далеко от родных мест, не раз обращался он в своей лирике к здешним бескрайним речным далям, и «свежесть ранних впечатлений» волшебно

воскресала в нем. И представлялось мысленному взору поэта, как «к ручью, звенящему в овраге, дубков спускается гурьба. Над ними синь плывет сквозная, и видится издалека столетний бор, где, отдыхая, лежат на соснах облака».

Его юность была обожжена войной. И до последних своих дней Владимиру Алатырцеву в тревожных снах не раз доводилось вновь и вновь «беженцам в тревожные глаза растерянно глядеть и виновато; опять из пулемета по врагу вести огонь, сметая все преграды, лежать на окровавленном снегу, от оружейной глохнуть канонады», и скорбно стоять у обелисков, где, навеки молоды, лежат боевые побратимы. Его стихи, где старательно «листают дни стремительное время», — это итог прожитым годам и пройденным дорогам, свидетельство его личной причастности к людским судьбам.

И не раз сквозила в поэзии Алатырцева «горечь расставанья, о милой родине тоска», где не раз бродил он «в лесах Заречья, где так нарядны и пестры берез оплавленные свечи и кленов желтые костры»...

* * *

Роща соловьиная, полевая гладь —
Сторона родимая, я с тобой опять!
Вижу вновь расцвеченный летнею зарей
Синий купол вечера над рекой Сурой.
Ржи созревшей золото льет мне звон вослед...
Возвращаюсь в молодость через 30 лет.
Видно, края отчего есть над нами власть:

Сердцу так и хочется к той земле припасть.
Сторона родимая, ты, как прежде, влей
В песни и стихи мои теплый свет полей.
По тропинкам юности снова проведи...
Хорошо твою нести молодость в груди.
И всем сердцем трепетным, всей своей душой,
Верным быть и преданным лишь тебе одной.

* * *

Изгибаясь в травах, словно змейка,
Вьется по зеленому ковру
Речка по прозванию Суравлейка:
Потому что воду льет в Суру.

Тут места ничем не знамениты —
Ни электростанций, ни плотин,
Лишь стоят по берегам ракиты
Да краснеют ягоды рябин.

Да за час до ясного заката,
Сбросив платье в ивняке густом,
На жнитве уставшие девчата
Окунутся в речке перед сном.

А потом всю ночь в тепле сарая,
В дымке сновидений, в темноте,
Перед ними плавают, мерцая,
Белые кувшинки на воде.

* * *

Наклонились кленовые кущи
К синим стеклам озерной воды,
Вновь забиты сиренью цветущей
Да черемухой наши сады.

Завалила трава, как лавиной,
Колен со следами копыт,
И не снег, и не пух лебединый —
Дым соцветий на вишнях висит.

И уже залилась и запела,
Загремела на все голоса
Государственная капелла
Певчих птиц, заселивших леса.

Я иду в этом праздничном гуле,
В этом вешнем зеленом краю,
Волны радости вдруг захлестнули
Присмирившую душу мою.

ИВАН КРАСНОВ

(Родился в 1923 году)

Крепкими нитями связан Иван Георгиевич с Поречьем, с родной деревенькой Висягой, где появился на свет, где слагал самые первые свои поэтические строки. И хотя давно живет он далеко от Суры, но по-прежнему часто появляется его имя на литературной странице порецкой районной газеты. В одной из очередных публикаций здесь он рассказывал: «Темы для стихов я черпаю на своей земле, где родился и где жил в детстве и юности. Первое мое стихотворение — о пограничниках, было напечатано в местной порецкой газете, когда мне было 15 лет. Как сейчас помню, с раннего утра в тот день я сидел напротив типографии на крылечке дома и ждал, когда же там заработает печатная машина и

появятся на газетной полосе мои стихи... Когда началась война, я сразу пошел на фронт. И вот, когда мы ехали в поезде, то комиссар водил меня по вагонам, и я читал стихи солдатам. Стихи были сатирические, все очень смеялись, они поддерживали настроение у солдат, едущих на фронт».

И немало строк вписал в поэму Победы поречанин Иван Краснов. Хорошо сказал о его творческой биографии поэт-фронтовик В. Грибанов:

На дорогах войны зазвучал вдохновенно
Голос музыки твоей, что в огне закален
От бессмертных руин Сталинграда до Вены,
Славя доблесть солдат и святыню знамен.

От Европы к родному «Снявскому бору»
Журналист и литфака заочный студент
Поднимался по горьковским тропам на гору,
Что Парнасом зовут с незапамятных лет.

Ты сроднился недаром с вершиною этой,
В мастерстве и душевном труде преуспел:
И правдивой, и звонкой строкою поэта
Край родимый и мирные будни воспел.

Свежестью поэтических метафор, неожиданностью стихотворных концовок, органичным сплавом лирики и высокой гражданственности отличается его творчество, о чем бы он ни писал: о войне или мирном труде, о современниках, о живописных уголках Засурья. И не случайно послужной поэтический список его лучших стихов семенами добра лег в людские сердца.

СЛОВО СОЛДАТА (Отрывок)

Я родился, друзья,
в феврале, двадцать третьего,
В ночь под праздник армейский:
уж так повезло.
Поутру все соседи
сбежались смотреть меня.
«Третий сын у Егора!» —
гудело село.
Рыжий батька
усы молодецки подкручивал,
Печь топил, щи варил —
третий раз на веку —
И над матерью
С доброй усмешкой подшучивал:
«Вот, Лександра, опять у нас прибыло в
полку..!»
Для меня еще имя найти не успели,
Но во славу того
юбилейного дня
Два братана
ружье принесли к колыбели
И солдатом уже
называли меня.
Бедовала деревня
в разрухе и голоде,
На базары коров
волокли на вожжах.
Мать, вдыхая,
мешая крапиву и желуди:
«Ты затеян, сынок,
на мякинных дрожжах.
Как-то вырастешь ты
на нужде и бескормице..?»
А отец лишь одно повторял:

«Ни черта!
Он — солдат.
А солдаты мужают не в горнице
И в атаку идут
не с ватрушкой у рта!».

* * *

О Суре говорят:
— Нашей реченьке — крышка.
Черный мор на Суре,
Леденящая душу беда.
А ведь есть, говорят,
Есть зеленая Сурская
Шишка.
И с той Шишки бежит
Сквозь леса
Ключевая вода.
Там, в начале Суры,
Еще рыскает щука и окунь,
И вода до сих пор
Непорочным звенит
хрусталем.
И глядят в небеса,
Как лазурно-прозрачные
окна,
Родники,
Родники с шевелящимся
дном.
Там леса и болота
И дикие тропы кабаньи.
Но висит и над Шишкой
Тень той же треклятой беды.
Пилят лес подлещы

И присурскую землю
таранят.
Значит, реченьку нашу
Оставить хотят без воды.
А она ведь и так
От засилья дельцов
помертвела...

Слишком мало над
реченькой

Доброго дела.

Слишком много над нею
Бесстыдной, пустой болтовни.

С каждым днем все сильней
Забивает ей горло одышка.

То мазутный, то фторный
В Суру низвергается вал.

Палачи оголяют

Зеленую Сурскую Шишку.

О, с каким бы азартом

Я «шишек» им всем надавал.

ГОЛУБАЯ ЖИЛКА

Висяжка...

Спросят: «Что такое?» —

Я людям улыбнусь в ответ

И назову ее рекою,

Хоть той реки на карте нет.

Природа не дала простору

И в силе отказала ей.

По дну ее в иную пору

Пешком гуляет воробей.

И все-таки в разлив весенний,

Мутна и шустра на ветру,

Висяжка подпирает Меню,

А Меня катится в Суру.
В Суру, чтоб скептики умолкли:
Суры известна мощь и стать.
А от нее до самой Волги,
Как говорят, рукой достать.
Висяжка, ось родного края,
Вновь вспоминая о тебе,
Негромкий путь твой примеряю
Я к человеческой судьбе.
Иду к тебе по долгу сына,
Иду воздать родимой честь:
В воде, вращающей турбины,
Твоя витая струйка есть.
Пусть не река, не речка даже —
Ручей... Но разве в том резон?
В России — тысяча Висяжек,
И кто-то в каждую влюблен.
Я, сын твой, все готов осилить,
Чтоб свет не меркнул над тобой,
Чтоб вечно на виске России
Ты билась жилкой голубой!

ИВАН ПЕНЯЕВ

(1923—1979)

«За строками и строфами своих стихов он виден сам — высокий, сильный, мужественный человек, жизнелюб. Славя жизнь, работу, любовь и дружбу, он не забывает о людях, погибших в праведном бою, перед которыми все мы, живые, находимся в неоплатном долгу. Не все, к сожалению, помнят о том, что павшие смертью храбрых — это люди, своими сердцами заслонившие нас от пули

врага», — так отзывался известный мастер советской поэзии Сергей Смирнов о творчестве Пиняева.

Имя поэта Ивана Пиняева хорошо известно и землякам-поречанам, и на его второй родине в Мордовии (где был он долгие годы секретарем правления Союза писателей, где увидели свет более пятнадцати книг). Его поэзия — это сама наша современность, наша жизнь, работа, борьба за мир. Он участник войны, с боями прошел по многим фронтовым дорогам.

«Когда я был еще мальчишкой, — вспоминал он вскоре после Победы, — под сурским мирным небосводом... мне битвы и походы присниться даже не могли. Я знал Европу лишь по книжкам, — теперь пешком прошел по ней!» И не случайно военная тема — ведущая в его творчестве. Пиняев был членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, и его страстное слово о мире не раз звучало на многолюдных общественных форумах. Но куда бы ни бросала его судьба, в каких бы аудиториях ни читал свои стихи поэт-фронтовик, непременно находились у него самые теплые строки об отчем крае, о проведенных здесь светлых годах юности. И не случайно последняя его, двадцатая по счету книга, — стихотворный сборник «Бессмертие», открывается главой — признанием в любви: «Мое Присурье». А самому ему реквиемом стали проникновенные стихи поэта-поречанина В. Грибанова:

...Когда в места родные
Наведывался в сенокос,

Какие строки молодые
Ты вдохновенно людям нес!

И зачарованно внимали
Строкам сердечным земляки:
Свой пыл в них парни узнавали,
И свою мудрость — старики.

Стихам призывным в подкрепление
Брал косу, становился в ряд
И, всем косцам на удивление,
Шел первым ты, поэт — солдат.

Бригаду вел, врезаясь в травы:
За взмахом — взмах, за валом — вал...
Вот так на грозных переправах
Ты путь к победе пробивал.

...Не слышно шквала огневого,
И летней страдною порой
Стихи твои читаем снова,
Как в клубах, в станах за Сурой.

И в смерть твою никто не верит
И не поверим никогда.
В небытие закрыты двери
Героям боя и труда.

* * *

В саду весенний непокой,
Поет трава-муравушка.
Тропинкой-стежкой над рекой
Идет седая бабушка.

Цветочный дым плывет вокруг,
Над всей родной сторонкою.
Глядит: стоит под вишней внук
С соседскою девчонкою.

И что тут нужно им вдвоем?
Иль мало стало улицы?
Вдруг будто с неба грянул гром:
— О боже мой, целуются!

От удивленья рот раскрыв,
Присела даже бабушка...
На всю округу вдоль Суры
Поет трава-муравушка.

* * *

С берега молоденькая ива
Смотрит в реку,
Чуть-чуть грустит,
До чего же, до чего красива,
Взглянешь —
Глаз никак не отвести.

Косы опускаются по стану,
Шевелит их ветерок с лугов.
Никогда
Смотреть я не устану
На царевну сурских берегов.

* * *

И снова с яблонь синий ветер
Срывает сполохи огня.

Нет ничего милей на свете
Вот этой грусти для меня.

Как вызов всем метелям лютым,
Стоят деревья вдоль Суры.
Им хорошо: отдали людям
Свои бесценные дары.

Задорно тренькает синица,
Присев над самой головой.
Я знаю: долго будет сниться
Мне сад с горящею листвою.

Я знаю: там, вдали отсюда,
И за грядой летящих лет
Я буду звать во сне, как чудо,
Вот эту тишь, вот этот свет.

Мне никуда от них не деться,
Не обойти их стороной.
Здесь ветка каждая для сердца
Звенит натянутой струной.

ВЛАДИМИР ГРИБАНОВ

(Родился в 1925 г.)

Настоящей «кузницей» кадров — ярких, самобытных, даровитых писателей — стало литобъединение «Сурские голоса» при Порецкой районной газете. Долгие годы им бессменно руководит поэт-фронтовик, кавалер многих боевых наград Владимир Иванович Грибанов. Более четырех десятилетий живет он в старинном селе на Суре. Учителемствовал в мест-

ной школе. Переводил с чувашского, мордовского, марийского, открыв для русского читателя немало незнакомых дотоле поэтических имен. Был «крестным отцом» для многих юных дарований из «Сурских голосов», не жалея времени, заботливо пестовал их, помогая выпускать в большое плавание первые книжки. И одну за другой издавал свои книги, писал собственные стихи: о партизанских тропах, где он совсем молодым парнем с оружием в руках сражался с фашистами, о боях-пожарищах и боевых побратимах и, конечно, о земляках-поречанах, о красоте родного Засурья. Но о чем бы Владимир Грибанов не писал, эпиграфом к его творчеству можно поставить его же строки: «Я сужу о Человеке не по сроку, что им прожит, не по росту, не по чину, — что и как он делать может!» Потому-то особое место в его творческой палитре занимает цикл стихотворений о земляках-писателях Н. Мишутине и В. Ильиной, И. Пиняеве и И. Краснове, об академике А. Крылове, о других поречанах, известных и неизвестных...

В цвету простор полей,
И ты, Сура родная,
Всегда в душе моей.
Край песен мирных, звонких
И славы трудовой,
Порецкая сторонка,
Люблю, горжусь тобой... —

это лирическое стихотворение, родившееся под пером В. Грибанова, теперь положено на музыку местным композитором и стало одной из самых любимых песен его односельчан о родной Порецкой сторонке, ее своеобразной «визитной карточкой»

* * *

Друзья трагически вздыхают,
Сочувствуют от всей души:
— Заглохнешь, брат, в лесной глуши —
В столицах музы процветают.
Друзьям
Пословица — утеха:
«Чем глубже в лес —
Тем громче эхо»...

* * *

К родимому краю
Я сердцем прирос:
Люблю я веснушки
На лицах берез,
Дубов крутоплечье
И сосен загар,
И гроздьев калины
Целительный дар,
И войско земное
Желанных грибов,
И запах медвяный
Цветущих лугов,
И певчих друзей
Многозвучный привет,
Со мною встречающих
Ранний рассвет...
К просторам родимым
Я сердцем прирос:
Ведь там, где с врагами
Сражаться пришлось,
И там, где друзей
Хоронить довелось,

И там, где кострами
Мы грелись в мороз,
Домов, не сочтешь,
Из руин поднялось.
Плотины возводим,
Чтоб ярко жилось,
Мечту окрылили
И в космос летим,
Хлеба и детишек
Душевно растим...
Но вижу участок —
Бурьяном зарос:
Деревня безлюдна,
Заброшен колхоз,
Вот холмик солдатский
Без роз и берез —
Упрек нам от павших
И жгучий вопрос...
К родимому краю
Я сердцем прирос.

* * *

Валентине Ильиной

Меня кувшинка привлекла
Не броской красотой:
Она загадкой была,
Сияя над водой.

Хотел я стебель разглядеть
Лучистого цветка,
Но он до корня скрыт в воде —
Загадка глубока!

А стебель рассказать бы мог
О тяготах пути:
Со дна в потемках шел цветок,
Чтоб солнцем расцвести.

ВАЛЕНТИНА ИЛЬИНА

(Родилась в 1947 г.)

В одной из своих повестей она на редкость тепло и лирично отзывается о дальнем лесном поселке Поречья, в котором родилась. «Мой родной уголок, колыбель с соловьями. Село как село, ни хулой, ни хвалой не увенчано. Лесной сторожкой взошло оно в давние времена на глухой полянке, пустило цепкие корешки и разраслось-раскинулось на все четыре стороны тихими улочками да переулками. Впрочем, родилось оно не так легко и не так скоро: одну избенку и ту соленым потом не раз окропишь, а тут — целое село...»

Родители ее, сельские учителя, с детства привили дочери любовь к литературе, а это в сочетании с таким прекрасным поэтическим краем, как Засурье, неизбежно должно было породить стихи. Так оно и случилось: писать их Валентина Ильина начала со школьных лет, которые прошли в селе Порецком. Часто печаталась на страницах многих газет, журналов, альманахов. Потом появилась ее первая книжка для детей «Аленкин день», за ней — другая, третья. И вдруг под ее пером стала рождаться совершенно «взрослая» проза, которая сразу привлекла к себе внимание и читателей, и критиков. Вскоре вышел сбор-

ник повестей и рассказов «Золотой человек», а московское издательство «Современник» выпустило ее книгу «Березовские соловьи». Проза В. Ильиной привлекает лиричностью, добротным знанием живого народного языка и умением создавать глубокие запоминающиеся характеры. Не чурается писательница и переводов, она перевела стихи многих чувашских поэтов.

Из повести
«БЕРЕЗОВСКИЕ СОЛОВЬИ»

...Живой межой отделила Сура ровнехонькие черноземные степи — без единого деревца — от непролазных лесов и увалов. Вдоль укатанных степных дорог одно за другим бегут старинные русские села бывшей Симбирской губернии: которые одной-разъединой улицей, широкой и длинной, версты на три, на четыре, а которые покучнее. Теснятся эти села, наступая друг дружке на пятки, не оставляя меж собой даже маленького проулочка, и не может пришлый человек разобрать, где кончается Семеновское и начинается Степновка. Но это только чужаку ошибиться возможно, да и то ненадолго, потому как села эти — что люди, у каждого своя одевка и свой нрав. В Семеновку, к примеру, ходили на Ильин день, разговор у семеновцев окающий...

Степновку же и подавно ни с одним селением не спутаешь. Церковь здесь самая высокая, сделана из вечного камня, что за селом в горе добывают: ни вода, ни острый лом, ни

долгое время тот камень не берет. И гора-то не гора, так, название одно, бережок, возле вертлявой речушки Мени, а на вот тебе: все село камнем своим одарила. Из него и дорога вымощена, и подвалы против каждого дома сложены, в которых сундуки с добром и лари с зерном от огня берегут. Немудреные подвалы: низ в земле, а верх каменный, дерном покрытый, на великаньи могилы по виду походят, и надежные, но нигде их, кроме Степновки, Груня не видела. Из того же камня и часовенка на самом въезде в село: царь, говорят, заезжал сюда по дороге в Нижний Новгород, вот ее и поставили. Особенно широко гуляют в Степновке на троицу, самый зеленый праздник: и дома березками разнажены, и в избах, как на лугу, травкой устелено. В разговорах степновские нажимают на «а» и обязательно разбавляют «чаем»: «Я, чай, схожу,.. Ты, чай, возьми...»

* * *

Прокричали у причала
Теплоходные гудки.
Как живете, поречане,
Дорогие земляки?
Не была давно я дома...
Как-то так, не довелось...
У моих-то вон знакомых
Трое внуков родилось.
А у Любы с Витей дочка.
Боевая, говорят...
А Иван, слышь, все хлопочет,

Чтоб прибавили усад.
Холода зимой-то были,
До зимы хватило ль дров?
Песен старых не забыли
Про весну и про любовь?..
...Прокричали у причала
Теплоходные гудки.
Как живете, поречане,
Дорогие земляки?

ВИТАЛИЙ ЗАХАРОВ

(1941—1982)

Он — не коренной поречанин, но еще мальчишкой переехал с родителями в одно из здешних селений. Именно в Засурье — истоки его литературного творчества, именно здесь, в районном литобъединении «Сурские голоса», рождались его первые рассказы. Закончив сельскую школу, уехал в поисках романтики на строительство Братской ГЭС, начав свою трудовую биографию с бетонщика на гидроузле. Через два года вернулся в родные края, стал работать в совхозе «Засурский»: заведовал здесь сельским клубом, потом был учетчиком по животноводству, спорторганизатором, а потом односельчане провожали его в пединститут. Несколькими годами позже закончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Лауреат республиканской премии комсомола имени М. Сеселя. Целую библиотечку можно составить из книг Виталия Захарова, выходявших одна за другой в издательствах Чебоксар, Москвы:

«Сердце человека», «Пуд соли», «Бессонница», «Нюринге», «Железины», «Раскаты», из его переводов с чувашского.

Несколько лет работал он в бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Чувашии, был литконсультантом. Это была для него не просто работа-призвание, потребность души: многих начинающих литераторов заботливо растил он, не жалея времени, опекал. Именно Виталию Николаевичу немало обязана рождением своей первой книжки и поречанка Александра Дугаева, человек трудной корчагинской судьбы. «Что бы то ни было, ты работай! — не раз повторял он ей в письмах. — В этом — наше спасение и от хандры, и от всего — от всего». Одним из первых он сказал Саше очень нужные ей слова: «Не бойся трогать свою трагедию, покажи мир сквозь ее призму смело, откровенно, даже безжалостно, может быть. Вот тогда почувствуешь высоты поэзии. И чтобы мы, осчастливленные природой хлюпки, поняли бы, что дар судьбы — это лишь задаток, но великий задаток... О, тут можно глубоко пахать...»

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «ЛЕКАРЬ ДУШИ МОЕЙ»

...Стою на взгорье, на опушке Прогона. В низине лежит моя деревня, мое Никольское. Тесовые, железные и черепичные крыши выложены на дне воронкообразного поля, как костяшки домино, аккуратной буквой «Т»: вертикальная палка — прямая длинная улица Линия, на ней наш дом; верхняя переклады-

на буквы — улица Поперечная; черточка снизу, как основание, — Заголиха. По-за огородами с обеих сторон деревни тянутся темно-синие валки мелкого ивняка, растущего на бережках двух овражков с колыбельно-ласковыми названиями: Крутенький и Клубничный (соединившись в лесу, они образуют овраг уже с другим названием — Казачий, где-то на нем, говорят, стояли на привале казаки Пугачева). Такие же звучные, ласковые названия носят у нас и деревни — Сиява, Поляна, Краснобор, Яблоновка и озера — Долгое, Светлое, Крутоярка, и все, что имеет право на имя.

Выше валика ивняка деревню кольцуют разномастные полоски посевов ржи, гречихи, клевера. А дальше неровными ступенями поднимается, тянется к небу зеленая, синяя, пурпурная стена леса и тает в глубокой глубине горизонта.

Это — Засурье...

И только там, где каждый вечер садится солнце, красивое однообразие нарушает, явно выступая из марева дали, белокаменная Порецкая колокольня. В ту сторону теперь мой путь. «Пора, пора! Рога трубят..»

Час бодрой ходьбы, и я уже на шоссе, по которому с лихим свистом проносятся железные детища века. А вот и он, сверкающий стеклом и никелем мой комфортабельный «Икарус». Пора, пора... «Стой. «Икарус»! Я тебя поцелую в твой горячий стеклянный лоб!»

Ну, если уж поэзией запахло, то теперь меня хватит надолго. Может быть, на целый год... Спасибо тебе, Засурье...

АЛЕКСАНДР ЛЕСИН

(родился в 1921 г.)

«Дорогой навсегда Порецкой районной библиотеке от ее давнего читателя (когда он был еще школьником). С благодарностью за все доброе, что дала она мне», — с таким теплым автографом подарил Александр Лесин библиотеке одну из своих последних (а их у него более десятка) книг, когда приезжал из Крыма, где сейчас живет, в родное Засурье. А в предисловии к сборнику так рассказывает сам о себе: «В ранние годы кто из нас не пробовал сочинять стихи?.. Первые мои стихи, стихи воьмиклассника, были напечатаны в районной газете. А если к этому добавить, что, числясь не последним гармонистом на селе, я немало насочинил частушек для уличного употребления, то, думаю, станет понятным, почему среди своих сверстников я слыл поэтом (скорее, это была кличка). Поступив в Московский институт (до войны я успел кончить два курса библиографического факультета), понял смехотворность своих иллюзий, среди бойких городских однокурсников я оказался в тени... Апрель сорок второго. Дивизия, в которой я был рядовым роты связи. Ночь перед первым боем... Встревоженность не унималась, от нее не уйдешь. Сердце, будь же камня тверже — я не сразу понял, что слова эти вырвались из меня в определенном ритме. Сначала — как упрек. А потом зазвучали как заклинание:

Сердце, будь же камня тверже,
Перед бурей не дрожи.

Не тобою ли затвержен
Лозунг смелых: жить и жить!

Чувствую, меня захватывает этот ритм:

Жить и жить, на все готовым
Встать под пули в полный рост,
Пронести живое слово
Через сто смертей и гроз.

Не буду вдаваться в подробности, скажу лишь: в эту ночь собственные стихи помогли мне!.. А потом они помогали всей дивизии: их напечатала редакция «дивизионки». Александр Лесин по специальному приказу начальника политотдела стал ее сотрудником, признанным дивизионным поэтом. «Вот когда и где произошел перелом: стихи, писание их стало для меня делом. Делом, нужным кому-то, — вспоминал он давние военные годы. — Черт знает, что такое: идет война, а нам давай стихи! Приедешь в землянку стрелковой роты — давай стихи. Над головой снаряды воют — все равно давай стихи. И как слушают!..»

Многими путями-дорогами довелось пройти в жизни поэту. «Но ни на минуту, нет, не забывал я каждую тропинку, каждый плеск речной, каждую былинку в стороне родной», — признается он. И, приезжая погостить в прикурское село, где родился, непременно шел на свидание с лесом своего детства:

Я должен с ним проститься.
Ему обязан я души здоровьем,
Настроенностью чувств и просветленьем,
Поэзией обязан я ему.

Родившись под северным небом,
Под жесткой метельной звездой,
Крестьянским мы вскормлены хлебом
И вспоены чистой водой.

Нам в шалостях не потакали,
Не холили наши года —
С ребячества мы привыкали
К нелегкой походке труда.

И если я выжил в болотах,
И если не сгинул в бреду,
А снова вернулся в пехоту,
А снова осилил беду.

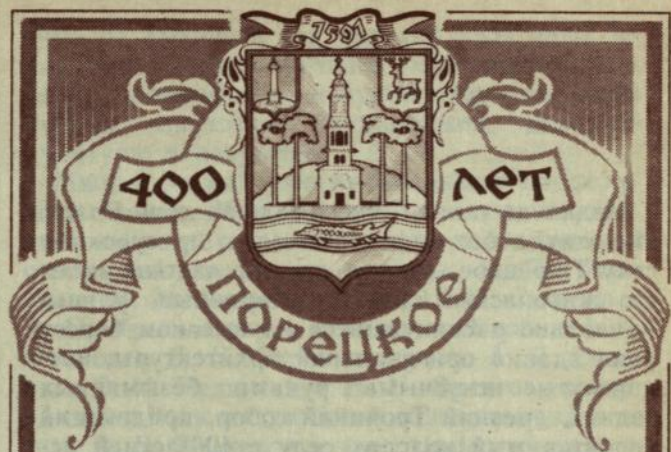
Так, значит, во мне неумна
Отцовская древняя кровь.
В ней соки земли-чернозема
И крепость морозных краев.

В МЕСТАХ БОСОНОГОГО ДЕТСТВА

(Отрывок)

К родному порогу отцовского дома
Я плыл
 по излучинам тихого Дона.
Потом по каналу —
 Через Цимлянское
Водохранилище океанское;
А дальше — по Волге,
Все выше по Волге,
Ее богатырством любуясь подолгу;

И, наконец, — по Суре по суровой...
Да не суровой —
Зеленобровой,
В челках — откосах
Голубоокой!
Местами — широкой,
Местами — глубокой,
Местами — с отвесными берегами,
Какие я видел когда-то на Каме;
С поймами,
С займищами вдалеке,
Какие встречаются лишь на Оке.
Не даром моя дорогая Сура
Двум волжским притокам
Меньшая сестра!
...Я брожу в эти дни
По местам босоногого детства.
Да, прекрасны они!
Все никак не могу наглядеться...

ПОРЕЦКИЙ ФЕНОМЕН

Издали течет Сура, младшая дочь Волги. Но откуда бы ни подъезжал к присурскому селу Порецкое, издали как на ладони виден его живописный силуэт, старинные улицы, привольно раскинувшиеся на высоком берегу реки здания оригинальной архитектуры, воздвигнутые искусными руками безымянных зодчих, древний Троицкий собор, придающий неповторимый колорит селу с 400-летней историей.

Если вы впервые попадете в Порецкое, вам тут же с гордостью покажут и памятники старины, и краеведческий музей, открытый в отреставрированном всем миром красивом особняке, где и без специальных табличек поймешь, что это — памятник истории, и народную картинную галерею, получившую «прописку» по соседству. Тут же поведают вам поречане и о том, что начато здесь создание уникального в своем роде культурно-исторического центра, подробно расскажут о каждом из многих своих именитых земляков, о богатых духовных традициях Порецкого, которые уходят корнями в далекое-предалекое прошлое. Ведь «лобачи», сосланные сюда четыре столетия назад, были в большинстве своем людьми просвещенными, высокообразованными. И они принесли сюда, в засурскую глухомань, не только вольнолюбивый, бунтарский дух, но и свои знания, культуру, свет ра-

зума. И именно в той далекой поре надо искать истоки своеобразного «феномена» Поречья, давшего миру целую плеяду блестящих ученых, писателей, художников, деятелей культуры и искусства.

Многие из них уже назывались в предыдущих главах. Можно опять и опять вспоминать имена тех, чьи биографии тесно связаны с историей этого края — поэты И. П. Мятлев и Н. М. Языков, ученые И. М. Сеченов и А. Н. Крылов, герои гражданской войны А. И. Фролов и Д. Н. Авров, генералы А. Я. Веденин, С. И. Недвигин и Н. И. Вахатов, контр-адмирал Бочкарев, видный общественный деятель В. В. Кузнецов и известный музыкант и наставник музыкантов В. П. Мухин (у него, кстати, учился в Москве и старейшина чувашских композиторов Филипп Лукин), профессор Н. П. Громов и академик И. К. Андронов... Список этот можно было бы продолжить многими и многими славными именами. Так, среди книг с автографами авторов-земляков, подаренных ими Поречской библиотеке, увидишь, например, сборники «Былины», «Русские народные былины», «Атрибуции русских народных былин», составленные выходцем из Поречья Петром Уховым. По специальности он был инженером-электриком, а потом вдруг круто переменял свою судьбу, выбрав редкую профессию фольклориста-исследователя, и хотя рано ушел он из жизни, но сумел оставить заметный след в фольклористике. А рядом с его книгами, тоже с дарственными надписями, труды из совсем иных отраслей науки: «Плавание в Антарктиду» доктора географических наук Б. А. Шлямина,

«Государство и личность в СССР» доктора юридических наук В. А. Патюлина, «Проблемы предмета политической экономики» историка А. Г. Гузняка. Здесь же—и тоже, конечно, не случайно, и книжные новинки писателей-сибиряков Петра Петухова и Ивана Фролова; один родился в Присурье, другой рос и учился в Порецком. Увидишь на библиотечной полке и стихотворные сборники многих поэтов, питомцев районного литобъединения «Сурские голоса», родившегося здесь еще в начале 30-х годов. Далеко от сурских берегов слышны теперь голоса писателей, делавших здесь когда-то первую пробу пера! Но, наверное, каждый из них, продолжает ли он жить в родных местах или судьба забросила его далеко от Суры, мог бы повторить вслед за поэтом Иваном Красновым:

Я связан навек
Нерушимую цепью
С Засурьем лесным
И семеновской степью.
Листая страницы
Районной газеты
Ловлю я
Отцовского края приметы.

Нередко эта любовь к отцовскому краю заставляла взяться за перо и людей, весьма вроде бы далеких от литературы. Несколько лет, например, длился кропотливый краеведческий поиск коренного поречанина, сельского учителя Ивана Михайловича Вавилова. Уже выйдя на пенсию, он подолгу проводил в архивах Москвы и Ленинграда, Чебоксар и Ульяновска, соседнего Алатыря, без усталости штудировав труды известных историков и ли-

тераторов, писавших в свое время о Присурье, по крупице собирал и дотошно систематизировал, сводил воедино самые разнообразные сведения о событиях минувших веков, составляя страницу за страницей увлекательнейшую летопись дореволюционного Порецкого. Удалось энтузиасту-краеведу отыскать столь любопытные факты, так интересно «подать» их, что неотрывно читаешь все 260 с лишним машинописных страниц его рукописи «Из далекого прошлого села Порецкого и района». Жаль только, что до сих пор эта книга так и осталась рукописной. Давно уже нет в живых И. М. Вавилова. Ушел из жизни и А. П. Сехов — человек неугомонный, донельзя влюбленный в краеведение, которого поречане недаром называли «ходячей энциклопедией». Самую добрую память о себе оставили они в людских сердцах, многих других своих земляков вовлекли в краеведческий поиск.

И когда, например, создавался музей истории Порецкого, по знакомому адресу тут же хлынул поток самых разных документов, экспонатов, предложений, как сделать экспозицию полнее. Так, целую кипу интересных документальных свидетельств прислал один из борцов за установление Советской власти в крае А. П. Шигаев: «Я, поречанин, живущий в Москве, решил собрать для Порецкого краеведческого музея материалы о дорогих наших земляках, ими может гордиться Чувашия», — писал он в сопроводительном письме.

И теперь не найдешь ни в самом Порецком, ни в селениях всей округи человека, который не побывал бы в музее. Сюда приходят ветераны и молодожены, часто звучат ребячьи го-

лоса, не пройдет мимо и ни один гость. Ведь здесь их ждут не только интересные экскурсии, но и этнографические вечера проходят, и выставки поделок народных умельцев района устраиваются, и звучат национальные мелодии в исполнении местных фольклорных ансамблей: в силу своего географического положения присурское село это всегда находилось на стыке культур разных национальностей, — русских, мордвы, чувашей, татар, взаимообогащавших друг друга. Всегда богат был Порецкий район народными традициями.

А вскоре после открытия музея — новая радость для поречан: по соседству гостеприимно распахнулись двери народной картинной галереи. Сто своих работ передали ей в дар на новоселье мастера кисти и резца Российской Федерации. И встретились на их картинах под порецким небом уральская осень и подмосковная зима, весна на Волге и летние белые ночи на Неве, смоленские леса и забайкальские горы... Самое почетное место на первом вернисаже заняли картины, подаренные новой российской сельской «Третьяковке» художниками-земляками. Тончайшей гаммой разнообразных цветовых сочетаний привлекает, например, зрителей пейзаж «Август. Вечер» кисти заслуженного художника РСФСР, лауреата Государственной премии СССР, известного художника-монументалиста из Москвы Николая Андропова (сына упоминавшегося уже выше педагога-академика И. К. Андропова), автора многих выразительных монументальных мозаик и росписей в нашей стране и за рубежом. И теперь в Порецком навсегда «прописались» не только работы са-

мого Николая Ивановича, но и картины «Дорога в Напольное» и «На Порецком базаре», написанные в народных традициях его женой Н. А. Егоршиной, также здешней уроженкой, и произведения их дочери-художницы М. Н. Андроновой.

Не проходят зрители и мимо поэтических сурских пейзажей Павла Козлова и портретов Николая Карачарскова, — художников-земляков из Чебоксар, инициаторов создания галереи. Очень многое сделали для возрождения духовной культуры родного Поречья эти мастера кисти из известной в Чувашии творческой бригады «Сельские зори», которую уже более четверти века бессменно возглавляет заслуженный художник Российской Федерации, народный художник Чувашии Н. П. Карачарсков.

Душой болеет Николай Прокопьевич за родные с детства места. И хотя две сотни километров отделяют Чебоксары, где он живет и работает, от деревни Шадриха, где появился на свет, в любое время года увидишь его здесь с мольбертом: то среди односельчан, то в самом Порецком, то в дальних колхозах района, куда шефы-художники давно проложили широкую тропинку и где с их помощью создано уже несколько картинных галерей Трудовой славы. Он и интерьеры сельских новостроек помогает оформлять на самом высоком профессиональном уровне, без скидок на «деревенских жителей», и лекции по изобразительному искусству читает, опекает юные дарования, и устраивает один вернисаж за другим. Где и собственные новые работы показывает героям своих картин, и персональ-

ные выставки других художников организует.

Он убежден: чем крепче корни, связывающие мастеров искусства с землей отцов, тем ярче, самобытней и национальней культура. И потому не только сам без устали ездит сюда, в такую даль, болеет всеми болями и проблемами Присурья, став неугомонным ходатаем за интересы земляков, но и сына, молодого скульптора, приохотил к этим поездкам, сделав своим первым помощником и единомышленником. Алексей Карачарсков, внук фронтовика-поречанина, по своей инициативе взялся за увековечение воинской славы земляков отца. И именно благодаря его искусным рукам в день 45-летия Победы было торжественно открыто здесь несколько памятных мемориальных мраморных досок. И еще один социальный заказ доверили ему: изваять бронзовые бюсты всех восьми Героев Советского Союза, уроженцев района, для памятной аллеи у обелиска Славы в центре села Порецкое. Не мог, конечно, Карачарсков-младший не последовать доброму примеру своего отца и при создании здесь народной картинной галереи: среди работ, подаренных ей на день рождения российскими художниками, есть и его скульптура.

Немало пришлось повоевать шефам из «Сельских зорь» в самых разных «высоких» кабинетах, ратуя за открытие порецкой «Третьяковки», за то, чтобы стала она филиалом Чувашского государственного художественного музея. Но зато каким праздником для всей округи становятся теперь выставки, организуемые здесь! В числе первых состоялась долгожданная встреча с творчеством А. Пахомо-

ва. Он тоже свой, порецкий, и хотя давно уже живет далеко от Суры, но всегда поддерживал тесную связь с земляками. В свое время прислал им и свою книгу, которую невозможно читать без волнения, так необычна судьба автора.

...В бою под Минском тяжело был ранен танкист Александр Пахомов. Очнулся за колючей проволокой. В концлагере Цейтхайн руководитель подпольной организации Сопротивления писатель Степан Злобин, узнав, что Пахомов по образованию художник, помог ему раздобыть листы бумаги, графит, уголь... И Пахомов в тайне от охраны стал делать зарисовки... После освобождения концлагеря половина этих работ была найдена, передана в Центральный музей Революции СССР и Ленинградский музей Великой Октябрьской революции. Рисунки стали обвинительными документами фашизму. Об этом и книга Пахомова «Рисунки кровью», выпущенная издательством «Советская Россия». А сам он позже стал одним из прототипов романа Степана Злобина «Не пропавшие без вести». Вот эти-то уникальные «рисунки кровью», созданные с риском для жизни в концлагере, и увидели, наконец, поречане своими глазами...

Потом одна за другой прошли в галерее многолюдные вернисажи местных самодеятельных художников. Многие просто диву давались: сколько же, оказывается, рядом с ними талантливых, увлеченных людей! Таких, например, как старожил Порецкого Е. И. Кутлин: восемь десятков лет за плечами, а как и в юности, не расстаётся с карандашом и кистью, и как же молоды, светлы пейзажи

старого сельского учителя... А как поэтичны акварели другого самобытного самодеятельного художника — И. В. Савинова! Давно уже живет он в Сибири, а как приедет летом в край своей далекой молодости, — и на день не расстается с мольбертом, спеша запечатлеть на полотно самые живописные уголки Присурья. Чтоб от всего сердца подарить потом свои картины галерее. Так же, как подарили их и В. А. Мосин, А. И. Долгов и другие.

Полюбовавшись во время экскурсий по своей сельской «Третьяковке» на работы «взрослых» художников раз, другой, уже и самые юные посетители вернисажей берутся за бумагу и карандаш, за краски: десятки ребятишек занимаются теперь в клубе «Кисточки», открытом при галерее. Это, не считая юных художников из сельского филиала «Кисточка», созданного в соседнем совхозе «Красный Октябрь». Не на очередной ли выставке ребячьих рисунков, расцвеченных всеми цветами радуги, согретых юмором и буйной фантазией, написал один из местных поэтов такие вот строки:

Я был на празднике культуры,
И мысль нежданно родилась:
Хоть отомрут все диктатуры,
Но будет жить талантов власть!

Есть у поречан мечта: создать у себя в селе такой культурно-исторический центр, где соединились бы старина и новь. Хотят, чтобы во всей своей первозданной красе предстали взору древний Троицкий храм с колокольней и прилегающий к ним ансамбль старинных

строений на кругом берегу Суры, в том числе и тех, где «прописались» краеведческий музей и картинная галерея. Чтобы появилась здесь новая постоянно действующая экспозиция — раздел древнерусской иконописи. Другой характерной приметой выставочных залов стали бы изделия народных промыслов, коими издавна славилось Присурье. Какой великолепный вид откроется с отреставрированной колокольни, самого высокого строения в Порецком, — не найти смотровой площадки лучше, чем здесь!

И еще об одном мечтают патриоты Порецкого: включить потом, после завершения реставрации, этот обновленный уголок их древнего края в туристский маршрут «Золотое кольцо России». Ведь очень многое могут поведать современникам эти сурские берега, где уже четыре столетия стоит-красуется старинное многонациональное российское село.

ПЕСНЯ О СУРЕ

Слова Н. Мишутина

Музыка А. Ситнова

Не туманы над рекой кружат,
То черемух лепестки летят.
В белой кипени бежит Сура,
Волге-матушке она сестра.

Песни ей леса, поля дарят.
— Не забудь о нас, Сура, — твердят.
И людей не забывай простых,
Что живут на берегах твоих.

Помни летних зорь цветение,
Помни птиц веселых пение,
В синем море наши песни пой,
Вспоминай Порецкий край родной,

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мариэтта Шагинян. Лениниана. — Москва. Молодая Гвардия, 1977.

И. М. Вавилов. Из далекого прошлого села Порецкого и района. — Порецкое, 1978.

А. Н. Крылов. Мои воспоминания. — Ленинград. «Судостроение», 1979.

Наши земляки — герои гражданской войны. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1984.

Н. Н. Авров. Солдат революции. — Чебоксары. Чувашское книжное издательство, 1968.

И. Н. Кузьмичев. Комиссар Фролов. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1977.

Г. Г. Можаров, А. С. Никитин. Памятные места и достопримечательности города Чебоксары и Чувашской ССР. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1987.

Наши земляки — Герои Советского Союза. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1980.

Е. В. Владимиров. Русские писатели в Чувашии. — Чебоксары, Чувашгиз, 1959.

И. П. Мятлев. Полное собрание сочинений. — Санкт-Петербург, 1857.

М. Юрьев, З. Романова. Писатели советской Чувашии. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1988.

Вера Жакова. Исторические повести. Москва, «Советская Россия», 1973.

Николай Бусыгин. «Счастье». — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1980.

Владимир Алатырцев. Обновление. — Рига, издательство «Лиесма», 1966.

Николай Мишутин. Чапаевская сабля. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1985.

Иван Краснов. Цветы на броне. — Новосибирск, Западно-сибирское книжное издательство, 1972.

Александр Лесин. Братское поле. — Симферополь, издательство «Таврия», 1980.

Иван Пиняев. Не зря живу. — Саранск, Мордовское книжное издательство, 1971.

Владимир Грибанов. Дерево любви. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1985.

В. Захаров. Бессонница. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1975.

Александра Дугаева. Земная сила. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1980.

Валентина Иванова. Поймай в ладони снежинку. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1986, 1990.

Валентина Ильина. Медовый месяц. — Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1987.

Н. Стуриков. Широкие плесы. — Советская Чувашия, 1982, 17 января. Публикация Порецкой районной газеты «Заветы Ильича».

СОДЕРЖАНИЕ

Родословная Поречья	3
Мы — ульяновцы	19
Якорь у берез детства	29
Война к Суре не подходила	37
О Порецком и поречанах	57
Песня над Сурой	87
«Вы девушка даровитая...»	99
Сурские голоса	119
Порецкий феномен	161
Использованная литература	173

Автор-составитель
Валентина Андреевна
ИВАНОВА

**О ПОРЕЦКОМ
И
ПОРЕЧАНАХ**

К 400-летию основания села

Редакторы Т. Д. Павлова, А. А. Николаева
Художник Э. М. Юрьев
Художественный редактор Г. А. Игнатьев
Технический редактор В. П. Окина
Корректоры А. И. Елицина, Л. А. Иванова

Сдано в набор 11.04.91. Подписано к печати
01.07.91. Формат 70x90¹/₃₂. Бумага офс. № 2
кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать оф-
сетная. Усл. печ. л. 6,43+1,17 вкл. Усл. кр.-отт.
8,18. Учетно-изд. л. 7,52. Тираж 6 000 экз. За-
каз № 1648. Без объявл. Цена 5 руб.

Чувашское книжное издательство. 428000,
Чебоксары, пр. Ленина, 4. Типография издатель-
ства Чувашского рескома КП РСФСР.
428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

